

Екатерина Прохорова

Мое бессмертие

Часть 1. Тайна моего рождения

Прошло много десятилетий с момента начала моей истории. Рассказать о ней, с моей стороны, конечно слишком рискованно, и даже слишком откровенно. Но теперь мне все равно, и я, наверное, готова к эмоциям и осуждениям чужих незнакомых мне людей.

Сколько я себя помню — я всегда была «не такой», другой. Окружающий мир воспринимала через призму своего, только мне понятного виденья. Хотя понятным оно мне было далеко не всегда. Познала я себя не сразу, по кусочкам. Словно мозаику, соединяла воедино все чувства, эмоции, качества своей души и тела. Что со мной происходит? Кто я? Зачем я? Даже теперь, прожив не одну сотню лет, я не могу до конца ответить на эти вопросы.

Родилась я в небольшом поселке Аян, что в Хабаровском крае. В одном из самых отдаленных северных районов России. Про такие места говорят «забытые богом», но именно в таких местах ощущаешь наибольшее единение с божественной силой. Поселок расположен на берегу природной

бухты Охотского моря. В то время там проживало чуть более 900-ста человек. Поселок был основан в 1843 году, Русско — Американской компанией, которая рассматривала его в качестве пункта нового тракта. Новый пункт должен был связать Якутск с охотским побережьем, с целью перевозки груза. С открытием тракта появилась торговля, которая очень хорошо стала развиваться, но после продажи Аляски и прекращения деятельности Русско — Американской компании значение поселка упало. Основной доход местным жителям приносила добыча полезных ископаемых, животноводство и рыболовство. Уникальные девственные леса, чистое неприступное бушующее море, большое количество заповедников, холодная северная красота — делают это место неповторимым и единственным на земле. Если тебя там еще не было, тогда ты еще не разговаривал с Богом.

На момент моего рождения моя мать работала единственным в поселке акушером — гинекологом, но даже для нее это стало неожиданностью. Было шесть месяцев беременности, когда отошли воды. По прошествии времени, рассказывая мне об этом, она призналась, что тогда даже она не верила, что я выживу. Врачи «из большого города» говорили, что шансов у меня нет, учитывая тяжелые болезни матери во время беременности, но она так и не решилась сделать аборт. На календаре 28 января,

суровая снежная зима. Бабушка Вера, помогавшая маме, тихо шепчет ей: — Она — не жилец. Готовься, родная, к похоронам, а я сбегая за «верующим».

В нашем поселке не было церкви и батюшки. Если нужно было кого — то отпеть, приглашали человека, который знал все молитвы, часто ездил в соседний поселок, в церковь и соблюдал все посты. В нашем поселке таким человеком был дед Степан. Но, несмотря на то, что Степан ждал под дверями, чтобы по крестить меня и тут же отпеть, я дышала. Каждая струя воздуха, наполнявшая мои легкие, вонзалась в мое тело, заставляла кровь наполняться молекулами живительного воздуха, поднимая мою крошечную грудную клетку против ее воли. Но, несмотря на все старания высших сил и моего уставшего организма — жизнь все равно уходила из моего естества, через кровоточащую рану на месте пуповины. Кровь, так с трудом наполненная кислородом, никак не хотела останавливаться, и жизнь все равно медленно, но верно, покидала меня.

Когда — то давно Степан окончил медицинское училище «в большом городе», когда он и сам уже не помнил. Так что в некотором смысле он тоже имел отдаленное отношение к медицине.

Робкими неслышными шагами Степан вошел

в комнату. Он, только вышел из запоя и его щетина, свидетельствовала о том, что запой длился не один день. Но когда дело касалось его долга, он чудесным образом трезвел и уже через минуту, с серьезным выражением лица, нахмутив одну бровь, делал свою «тяжелую» работу. Интересно, что жителей поселка никак не смущало такая биполярность их «верующего», даже наоборот, никто не хотел выполнять его обязанности.

Войдя в комнату, Степан остановился у порога, снял свои тяжелые сапоги и несмелыми шагами подошел к моей люльке, будто боясь увидеть то, что не сможет преодолеть. Он долго всматривался своими большими, почти, что черными глазами, с густыми длинными ресницами, в маленькое тельце, завернутое в когда — то белоснежные простыни, а теперь от крови ставшими красными. Затем медленно, тяжело дыша, повернулся к матери, сидевшей на кровати и аккуратно сел возле нее. Безмолвным взором он оглядывал комнату, будто надеясь увидеть где — ни будь ответ на свой вопрос: Что делать? Или на худой конец надежду, витавшую в воздухе и которой уже практически не осталось. Возле двери стоял большой, громоздкий шкаф темно — коричневого цвета, обшарпанный от времени, по углам и всем своим видом показывающий свою очень долгую жизнь и потому привилегию по

отношению к остальным предметам мебели. За шкафом возле стены стояла большая кованая кровать, выделявшаяся своей величавостью и особенным стилем. Возле окна находился круглый деревянный стол, украшенный самодельной вытканной белой скатертью с большими бордовыми цветами. Под столом скромно спрятались три деревянные табуретки. За столом, возле стены, стоял комод, сделанный из дерева в коричневом цвете, но по сравнению со шкафом, имеющий не такую долгую историю и более современный дизайн. За комодом стояла большая русская печь, выложенная из красного кирпича и имеющая также камин, в котором сияло пламя. Горение сопровождалось потрескиванием, всхлипыванием дровишек. Трескание было слышно по всей комнате и создавалось ощущение, как будто и нет меня, так как я находилась в бессознательном состоянии. Помолчав немного, Степан сказал:

— Прости Софья, но я не знаю чем тебе помочь. Природу не обманешь, не хочет она, что бы твоя дочка жила. Может, если бы больница рядом хорошая была. У нас в больнице ничего современного нет, да ты же сама врач, ты же все знаешь. На самолете не добраться — снежная буря.

Тогда моя мать упала на колени и сквозь слезы, протягивая руки, стала умолять:

— Степан! Прошу тебя, помоги! У меня же

никого, кроме моей доченьки нет! Заклинаю тебя! Сделай что-нибудь! Между людей давно слухи ходят, что ты, кровь животных добываешь и эксперименты с нею проводишь! Я всю жизнь валяться в ногах у тебя буду!

Степан, будучи человеком бесстрашным, привыкшим ко всему, заплакал. Было что-то жуткое в этой картине — широкоплечий коренастый, с большим ростом человек, плачет от беспомощности возле люльки маленького ребенка, греющего свое маленькое бессознательное тельце возле камина; возле груды камней, которые дают тепло, так необходимое и помогают даже больше, чем люди.

Степан вытер большой ладонью слезы и произнес:

— Я попробую что — ни будь, сделать, но особо не надейся.

Мама покорно опустила голову и уже не плакала, а только молчала. Степан встал, подошел к порогу, обул свои высокие сапоги и вышел. Мама поднялась с колен, чуть дыша, подошла к моей люльке и облегченно вздохнула — я еще дышала. В комнате было тихо, только потрескивание сухого дерева нарушало тишину да еще шепот бабушки Веры в соседней комнате. Эта добрая женщина была для мамы и подругой, и помощницей и просто палочкой — выручалочкой на все случаи жизни. Так случилось, что родители матери рано ушли в

лучший мир, поэтому бабушку Веру я по праву называла своей бабушкой. Мы для нее тоже были единственной «семьей». У нее не было ни мужа, ни детей. Вот и сейчас она очень сильно переживала за меня и за маму. Сидела в соседней комнате перед иконой и, глотая слезы, просила у Бога за меня. Вскоре в дверях появился Степан с небольшим пакетиком в руках. Теперь его взгляд не был таким растерянным и абстрактным. Почему — то при взгляде на него у моей мамы сразу появилась уверенность в том, что он мне обязательно поможет. Зайдя в комнату и раздевшись, он попросил маму выйти. Это ее сильно насторожило, но она не сопротивлялась, потому что была готова сейчас на все. Что тогда происходило в комнате, многие годы оставалось загадкой. Степан категорически отказывался об этом говорить и все чаще впадал в состояние забытья. Тогда, той ночью, он действительно «вылечил» меня. К утру пупочная рана затянулась и я уже открывала глаза. Мама и бабушка Вера никак не могли поверить в чудо. Они все время, поочередно проверяли меня и не переставали благодарить Бога. На следующее утро, буря прекратилась и к нам вылетел самолет. На борту было все необходимое для перевозки тяжелых новорожденных, но мне вообще не требовалось никакой помощи. После обследования в Хабаровской больнице, врачи сказали, что со

мной все в порядке, но из — за маленького веса я должна остаться у них на неделю, а выписали нас уже через пару дней, так как я очень быстро набрала норму. Вот такие воспоминания она рассказала мне через много — много лет, когда все очевидное и невероятное уже не кажется таким невозможным и страшным.

Мое сознание сформировалось ближе к годам пяти. Примерно с пятилетнего возраста я стала осознавать свою принадлежность к своему физическому облику и запоминать некоторые моменты из своей жизни. Я не считала себя особенным ребенком. Просто изначально мое мировоззрение было другим, отличным от других детей и даже взрослых. Сначала окружающие люди с любопытством и некоторой опаской наблюдали за мной, но так как поселок у нас не большой, обособленный от внешнего мира, все живут рядом всю жизнь — все ко мне быстро привыкли. Мы жили вдвоем — я и мама. Про отца мама никогда не говорила, а я и не спрашивала. Понимала, если его нет, значит, так нужно. Знала только, что он исследователь. Приезжал в наш поселок в составе экспедиции; исследовать наши уникальные места. Познакомился с мамой, пожил некоторое время, а потом сказал, что ему пора уезжать к жене и детям. Когда уехал, мама поняла, что беременна. Одной с ребенком оставаться было страшно. Из — за

переживаний много болела, но меня сберегла.

Жили мы на окраине поселка, возле самого леса, у подножия не больших, с густой растительностью, возвышенностей.

Через несколько лет после моего рождения, мама сделала капитальный ремонт дома. Просто как — то вечером я нарисовала дом, в котором хотела бы жить и мама решила, что моя мечта должна обязательно осуществиться. Теперь вместо старого темного мрачного дома стоял небольшой сочный сказочный домик. Он красиво вписывался в пейзаж зеленого моря листвы, благодаря своему насыщенному бордовому цвету. Дом был деревянный с маленькими белыми окошками и большой верандой, тоже белого цвета. Несмотря на суровый климат, в теплое время года на веранде буйствовала растительность с большими яркими цветами. На веранде стоял белый маленький деревянный столик, с белыми небольшими скамеечками, сделанными также из дерева, и обязательно кресло — качалка. На ней очень любила качаться бабушка Вера, пока мама заваривала чай из шиповника и гибискуса с медом и капельками лимона. Крыша дома была покрыта красной черепицей, что, несомненно, придавало дому еще более волшебный привлекательный вид. Я росла достаточно замкнутым ребенком. Из тех немногочисленных сверстников, что росли вместе

со мной — компании мне не нашлось. До шести лет мои воспоминания теряются в шорохе листьев, звоне капель дождя, в белом ковре снега, по которому даже звери боялись ступить, дабы не нарушить целостность картины.

Часть 2. Мое противоречивое детство

В первый класс я пошла вместе со своими сверстниками, с которыми иногда встречалась, поэтому никого дискомфорта у меня не было. Никто меня не рассматривал и не спрашивал о том, почему я так выгляжу. В моем классе было десять человек. Среди них я выделялась лишь бледной белой кожей и черными, как смоль, прямыми волосами. Мои ногти всегда были заклеены белой плотной лентой, почему, я не знала и воспринимала это как должное. Мама не хотела говорить на эту тему и все время обещала рассказать попозже. Забегая вперед, скажу, что потом ее объяснения мне не понадобились, я сама, методом исследований и ошибок, понемногу раскрывала свои особенности и отличия. После недели обучения к нам пришла учительница. Зайдя в дом, она поздоровалась и дружелюбно улыбнулась. Лично мама с ней знакома не была, но слышала о ней много положительных отзывов. Моя первая учительница была худенькой светловолосой женщиной около

сорока лет. Вышла замуж за местного и решила здесь остаться. Любила вязаные вещи и носила их практически всегда. Вот и тогда на ней была коричневая юбка до колена, серенькая тоненькая кофточка, поверх которой была надета толстая вязаная кофта темно — серого цвета. Волосы гладко причесаны и собраны на затылке. Мама проводила ее в комнату, предложила сесть на диван. Елена Сергеевна села и начала молча, неторопливо, осматривать комнату, пока мама готовила чай. В эту комнату — гостиную — мы приглашали всех немногочисленных гостей, которые заходили к нам. В углу стоял большой мягкий диван, напротив него, в другом углу, возле окна находился стеллаж с многочисленными фотографиями «мама очень меня любила и хотела запечатлеть каждый момент моей жизни» и сувенирами. Возле стеллажа, напротив дивана, находился большой телевизор, а по сторонам висели полочки с книгами. Ее взгляд зацепился лишь за пальму, которая стояла в углу, возле дивана. Да, это было странно, в наших краях растить пальму, но она чувствовала себя отлично и хорошо росла. Тут вошла мама с подносом в руках. Всех гостей она всегда угощала чаем и пирожками с яблоком и корицей.

— Вы хотели поговорить о моей доченьке? — спросила мама.

— Да, Софья... — возникла неловкая пауза.

— Можно просто Софья — тут же выручила мама.

— Да, конечно. Ваша дочка замечательная, очень хорошая. Вы не замечали, что она немножко отличается от других детей?

Мама нахмурилась, а учительница продолжала:

— Ирма серьезная, вдумчивая, рассудительная не по годам. У нее прекрасная память, даже очень. Она знает намного больше, чем ее одноклассники. Программу первого, второго и даже третьего класса она уже знает! Ей нечего делать в первом классе! Если вы хотите, я напишу заявление в административный округ о переводе ее в третий класс, но должна вас предупредить, что за ней будут пристально наблюдать и предлагать тестовые задания, потому что такие способные дети встречаются крайне редко.

— Нет! Нет! Нет! — замахала руками мама. Она вскочила с дивана, была взбудоражена и взволнована. — Я не хочу, чтобы за ней наблюдали, испытывали или еще что — ни будь! Нам совершенно это не нужно!

— Вы уверены?

— Абсолютно!

— Тогда я могу предложить индивидуальные занятия. По мере возможности я буду давать

упражнения, соответствующие ее умственному развитию.

Мама немного помолчала, а потом неуверенно кивнула головой.

— Хорошо — сказала педагог и добавила. — Ирмочка у вас очень красивая, необыкновенно красивая. Я таких девочек еще не видела.

Я не присутствовала при том разговоре, но слышала каждое слово. Я находилась в соседней комнате, в маминой спальне. В этой комнате, как и во всем доме, интерьер тоже изменился, осталось лишь большая кровать и теплая уютная печь с камином. По всей комнате были расставлены кадки с цветами — мама их очень любила. В углу стоял небольшой коричневый шкаф, а возле него комод такого же цвета. На стенах висели полочки с мамиными личными вещами и книгами. Я вспоминаю, что уже тогда я не хотела рассказывать матери о том, что все прекрасно слышала, потому что уже на тот момент понимала, что все слышать через стену, наверное, странно.

После ее ухода мама еще долго сидела в задумчивости. Потом пришла бабушка Вера. Мама попросила меня пойти в свою комнату, но любопытство заставило меня остаться. Вера и мама пошли в мамину спальню, заперлись там и долго о чем — то разговаривали. Мне очень хотелось услышать, о чем они говорили. Я чувствовала, что

для меня это важно. Я выбежала из дома и подошла к окну. Мне не нужно было прислушиваться и напрягать слух. Я и так прекрасно все слышала.

— Она просто другая, баб Вера! — воскликнула мама.

— Да, поэтому — то и страшно — ответила пожилая женщина.

Бабушке Вере было за восемьдесят, а сколько точно она категорически не хотела говорить. Она была из того поколения, которому не просто принять и понять новое, непонятное, другое. Она боялась не знакомого и не знала, как на это реагировать. Не смотря, на свой возраст, выглядела она хорошо, была довольно подвижна, хоть и полновата. А ее голубые, обрамленные глубокими морщинами глаза, всегда отражали свет и доброту. Вот и сейчас, бабушка Вера говорила о страхе, хотя глаза были как всегда спокойными и добрыми.

— Посмотри на Ирмочку — продолжала бабушка, — у нее белая бледная кожа, волосы выросли до пояса и больше не растут, глаза — в них лучше не смотреть — утонешь. А когда она болела в последний раз? Ты помнишь, когда она вообще болела, Софья?

Мама задумалась и покачала головой.

— Нет, она вообще никогда не болела. У нее ведь даже соплей не было!

— Вот... — протянула бабушка Вера.

После этого мама встала и подошла к окну. Я побежала в дом. Без оглядки вбежала по лестнице на второй этаж и закрылась в своей комнате. Как такого — го второго этажа у нас не было, была лишь небольшая комната, с косым потолком под крышей. До ремонта там был чердак, но после ремонта комната стала настолько привлекательной, что мама решила сделать из нее мою комнату. Свою комнату я очень любила. В ней было все, что мне нужно. Все помещение было в розово — голубых тонах. Очень мило для девочки, но только мало соответствовало моему характеру. Кровать, комод, шкаф и мой письменный стол были розового цвета. Оттенок розового был бледным, разбавленным — поэтому не раздражал глаза. Покрывало на кровати и мягкий пушистый ковер были голубого цвета. Вокруг было много мягких игрушек, кукол и статуэток диких зверей. Из всего этого многообразия мне больше всего нравились фигурки диких животных. Мама это знала и каждый раз, при вылете в ближайшие города, привозила мне копии всяких зверушек. С куклами я не игралась. Для меня это было слишком просто и неинтересно.

Подойдя к большому зеркалу, я остановилась. Я долго стояла перед ним и себя рассматривала. Руки, грудь, ноги действительно были белого, почти мраморного цвета. На них практически не были заметны вены. Волосы я и правда давно не

стригла. Губы имели насыщенный красный цвет. Ногти... ногти всегда обмотаны белой лентой. Тут открылась дверь и вошла мама. У мамы была трудная однообразная жизнь. После школы улетела в Хабаровск, учиться. На последнем курсе ее изнасиловали. Она долго не могла оправиться, но все — же окончила медицинский университет. Прилетела домой, к родителям. Стала работать акушером — гинекологом, но проблемы со здоровьем, после того страшного кошмара, только усугубились. На фоне этого бабушка стала болеть и вскоре умерла от сердечного приступа. Дедушка не выдержал разлуку с любимым человеком и тоже вскоре умер от инфаркта. Мама осталась одна. Через некоторое время она познакомилась с моим отцом, который приехал в составе научно — исследовательской экспедиции. К сожалению, ничего хорошего из этой встречи не вышло. Из — за всех проблем беременность протекала тяжело и роды начались раньше положенного срока. Как ты уже знаешь, родилась я дома. Была зима, метель; вертолет прилетел только через два дня. За эти два дня произошло настоящее чудо. Тогда мама ничего не сказала врачам, о чем ни разу в жизни не пожалела. Несмотря на все проблемы, мама осталась красивой высокой женщиной. Длинные русые волосы всегда были причесаны и собраны в «конский хвост». Красивые славянские черты лица

подчеркивали, едва появившиеся морщинки, которые только украшали ее безупречное аккуратное лицо. Ей, высокой и стройной — необычайно шли платья. Даже отсутствие рядом сильного плеча не сказалось на ее женственности.

— Малыш. Ты не спишь? — спросила мама.

Я отрицательно покачала головой.

— Не важно, кто и что тебе скажет, ты всегда должна помнить, что ты у меня одна. Одна — единственная. Я тебя очень сильно люблю.

— Я тебя тоже люблю, мамочка — ответила я.

Затем мама уложила меня в кровать, поцеловав на ночь. В одно мгновение все мои наблюдения и вопросы исчезли сами собой. Мне было хорошо. Тепло. Уютно. Я была счастлива, а остальное стало не важным. Все стало не важно, но только на время.

В ту ночь мне впервые приснился сон, от которого стало страшно. По — настоящему жутко и страшно. Я бегу, босая, без одежды, по лесу. Вокруг меня быстро мелькают деревья. Я бегу очень быстро, иногда просто поднимаюсь над землей. Мне безумно страшно. За мной бежит кто — то или что — то. Я чувствую движение, быстрое движение крови по венам этого существа. Я чувствую запах, запах крови. Она — кровь — меня зовет. Удивительное ощущение чего — то знакомого. Я знаю, что оно меня не убьет, но мне страшно и

нужно бежать. Я бегу и вдруг... падаю. Я проснулась. От холодного пота стало неприятно. В комнате было тихо и темно. Я включила настольную лампу и долго еще сидела на кровати, приходя в себя. Матери я решила ничего не рассказывать. Не хотела ее пугать. Проходили дни, недели.

В школе я получала индивидуальные задания, а на уроках делала вид, что мне интересно. С одноклассниками я практически не общалась, мне было с ними скучно. Я сидела за одной партой с девочкой по имени Алия. Впоследствии она стала единственной близкой мне подругой до определенного момента в нашей жизни. Алия выделялась среди других одноклассников своими большими черными глазами с острым пронзительным взглядом, копной черных, как уголь, волос и смуглой кожей. Ее внешность не была уж такой странной здесь, в поселке. Просто в венах Алиии текла другая кровь, другого народа. Она была одной из представительниц народа под названием — эвенки. До 1931 года эвенки имели общее с другими народами название — тунгусы. На тот момент в нашем поселке проживало всего три семьи, представителей этого народа. В России эвенки расселены на огромной территории от Енисея до берегов Охотского моря.

Алия отличалась не только по крови, но и по

образу мышления — не любила кукол, розовый цвет и красивые платья. Мне с ней было интересно. Ее рассказы об укладе жизни и традициях своего народа были познавательными и очень увлекательными. Небольшое количество человек не пугало эвенов и они пытались сохранить свои традиции, устраивая традиционные праздники. Я с удовольствием наблюдала за встречей Нового года в дни летнего солнцестояния. С этого месяца начинался Новый год эвенов. После суровой зимы, в течение трех самых долгих дней в году, эвены водили хороводы, пели, танцевали. Особое место во всем этом занимало исполнение кругового танца. Все члены из трех семей нашего поселка собирались вместе и исполняли этот танец. При этом они говорили, что именно этот вариант танца исполняют только они. Облачившись в замысловатые традиционные костюмы, они танцевали, произнося заклинания на хороший добрый день. Благодаря Алии, я имела возможность наблюдать за традициями и особенностями повседневной жизни этого уникального народа.

После школы мы бежали в бухту и там проводили свое свободное время. Прохладный ветер с моря, монотонный шум, ударяющихся об прибрежные камни, волн — все это успокаивало и расслабляло. Сидя на камнях, мы разговаривали, смеялись. Спорили, сможет ли кто — ни будь из нас

окупаться в ледяную воду. Однажды, через несколько лет, я выиграла этот спор — погрузилась в воду с головой. Алия была очень удивлена и испугана; сильно боялась, что я заболею. Я уже тогда не чувствовала холода и не болела. Так прошло семь лет; в наших посиделках на берегу Аянской бухты, в наших разговорах, в школьных занятиях, в детских увлечениях и наблюдениях за потрясающей живописной природой. Кошмары мне больше не снились. На вопросы: Почему у меня так и не поменялись молочные зубы? Почему у меня больше не растут волосы? Почему мне нельзя находиться на солнце? Почему, в конце концов, у меня постоянно заклеены ногти? Мама лишь растерянно пожимала плечами. Я давно привыкла, что мне не бывает ни холодно, ни жарко. Зимой мама всегда тепло меня одевала. Я не сопротивлялась. Ей так спокойнее. Летом на солнце я никогда не выходила. Мама всем говорила, что у меня аллергия на солнечные лучи, хотя она и сама толком не понимала, что это. Алия вопросов не задавала. Мы просто всегда сидели в тени. Уже к этому времени она стала увлекаться тяжелой музыкой, что также отразилось и на ее внешнем виде. Когда она чем-ни будь увлекалась, то уходила в это с головой, без остатка. Про свое увлечение она хотела рассказать всем, насколько это возможно, а изменение внешнего вида наиболее

полно рассказывало об ее музыкальных увлечениях. В то время я тоже познакомилась с этой музыкой, что в дальнейшем предопределило мои музыкальные предпочтения. Несмотря на мои издевки, стиль «готика» ей невероятно подходил. От природы темная, с правильными чертами лица она была очень привлекательна в черной одежде, с черными глазами. Выбеленная, насколько возможно кожа, контрастировала с копной черных волос. Большие глаза были сильно и ярко выделены, что делало их еще больше и глубже. Черные губы скрывали белые ровные зубы. Несмотря на мрачный вид, душа Алии была невероятно доброй, отзывчивой и всегда готовой прийти на помощь.

Видимая оторванность от внешнего мира была лишь только надуманным представлением о закрытой замкнутой жизни, отделенной от большого материка. У всех были телевизоры и компьютеры, с выходом в интернет, поэтому быть в курсе обо всем было не сложно. Этим активно пользовалась Алиа. Она регулярно представляла моему вниманию новинки музыкальной индустрии. И действительно, некоторые группы вызывали в моей голове приятные вибрации и желание послушать их вновь. Я слушала металл — композиции все чаще и чаще.

На улице была весна. Теплом пропиталась

земля, нагрелся воздух. Подходил к концу предпоследний год нашей учебы. Следующий класс — выпускной. Я и Алия вышли из школы, спустились с крыльца и не спеша, пошли по дорожке, ведущей к ее дому. Сегодня я ее провожала. Мы шли, разговаривали, смеялись; волновались от мыслей о выпускном балу. Уголкем глаз, в дали я увидела старика. Он медленно шел, прихрамывая, нам навстречу. Видимо, когда — то он был крепким рослым мужчиной, но жизнь его здорово согнула; и теперь он мог только идти куда — то, шаркая ботинками по асфальту. Его старого, сморщенного лица почти не было видно из — за седой, густой бороды и шапки, натянутой на глаза. Глаза смотрели куда — то вдаль; тоскливо и безнадежно. За нашей беседой я не заметила, как мы поравнялись со стариком. Мой взгляд инстинктивно упал на его лицо. Он тоже посмотрел на меня. Вдруг он замер. Кожа его лица стала бледной. Он упал на колени, начал креститься и что — то шептать. Я ехидно улыбнулась, подумав, что старик испугался Алию; хоть Алия и была красивой девушкой, но ее манера одеваться до сих пор пугала некоторых людей преклонного возраста. Не привыкли жители поселка к таким новым веяниям культуры. Тогда он тихим голосом спросил, как зовут мою мать и сколько мне лет. Я вежливо ответила ему. Услышав мой ответ, старик стал еще

сильнее креститься со словами:

— Господи, прости! Я создал монстра! Это моя вина, ты не человек! Ты — монстр! Ты — зверь!

От такой откровенности я опешила. Стояла и не знала, как на это реагировать. Вдруг почувствовала, как Алия тянет меня за руку.

— Пойдем! Зачем ты его слушаешь? Он же ненормальный! — кричала Алия. Ее это явно разозлило.

— Что, что он сказал? Почему он так сказал? — тихим голосом повторяла я.

Я не понимала, почему он набросился на меня. Мысли в голове путались от ужасного негодования и непонимания. Алия вела меня куда — то, а я начинала вспоминать. Я вдруг поняла, кто этот старик. Мама как — то обмолвилась с бабой Верой, что сразу после моего рождения Степана как будто подменили. Он все реже общался с людьми. Все дольше уходил в запой и впадал в бессознательное состояние. В церковь он ездить перестал и не хотел выполнять свою «работу». В моей голове стала выстраиваться пирамидка жизни человека по имени Степан. Сначала его ровная размеренная спокойная жизнь, потом стремление уйти от всего, спрятаться от всех, забыться в алкоголе. Между этими двумя полосками жизни что — то произошло. Произошло... мое рождение. Что,

что все — таки в ту ночь произошло? Алия что — то мне говорила, но я не слышала ни одного ее слова. Установленный мной факт никак меня не шокировал, просто потому — что я не верила, что могло произойти что — то невероятное. Алия сама довела меня домой, попрощалась и ушла.

Войдя в дом, маму я не обнаружила. Она работала по графику, но сейчас, наверное, пришлось срочно уйти. Я поднялась в свою комнату. Села на кровать и тяжело вздохнула. Все было как — то странно и невразумительно. Взгляд упал на руки. Почему я не могу сама посмотреть на свои ногти? Конечно, могу! Я взяла ножницы и аккуратно отрезала кусочек ленты, остальную часть просто размотала. Подняла вверх свой большой палец на правой руке и внимательно посмотрела на него. Странно, я никогда не подстригала ногти, но он такой правильной формы, яркого лилового цвета. Рассматривая ноготь, я нечаянно уронила ножницы на пол. Потянулась, что бы их достать.

— Ой, больно! — вырвалось из меня.

На светло — голубой ковер упали бордовые темные пятна крови. Я посмотрела на свою руку. Со среднего пальца правой руки струился ручеек багрово — черной крови. Палец был порезан. Появилось неприятное ощущение боли. Для меня это было так незнакомо, странно, ново. Ведь я никогда в жизни не испытывала чувство

дискомфорта и боли. У меня никогда в жизни не было ни ссадин, ни порезов, ни ушибов. Моя кожа была крепкой и эластичной. Она просто не допускала повреждений. Прикасаясь к ней чем — то острым, она мгновенно становилась твердой, как камень, в месте прикосновения опасного предмета. При нажатии пальцем она прогибалась и, как мне казалось, даже извивалась, не допуская контакта ни с чем. Я стояла и просто молча, смотрела на стекающую кровь. Я не знала, что мне делать. Мое сознание было настолько поглощено изучением нового для меня чувства и пока единственного, что я забыла, что кровь капает на ковер, а это не очень хорошо. Когда я спохватилась, то рефлекторно зажала порез большим пальцем правой руки и стала думать, как очистить ковер. Через минуту я убрала палец посмотреть и не поверила своим глазам — пореза не было. На пальце не осталось вообще никакого следа! Я бы могла заорать, что случилось чудо или этого не было на самом деле, но я уже стала привыкать к тому, что я вся, с ног до головы, странная и необъяснимая. Мою кожу порезал мой же ноготь! Вот это совсем невозможно объяснить. Я с опаской посмотрела на свой открытый ноготь и поняла, почему мама всегда проверяла, надежно ли спрятаны мои ногти. Так уж получилось, что, несмотря на близкие и теплые отношения со своей матерью, обо всех своих качествах и свойствах я

узнавала практическим методом, т. е. сама наблюдала за собой и за своим поведением. Так, чтобы удостовериться в своих наблюдениях, я взяла лист белой бумаги и провела по нему ногтем — лист моментально разлетелся на две половины. Быстрее, чем бы я порезала ножом!

Внизу хлопнули входные двери. Пришла мама. Я замотала палец обратно и прикрыла пятно крови на полу маленьким декоративным ковриком из искусственного меха, в виде овечьей шерсти. Я не могла держать это в себе. Алии я рассказывала далеко не все, что со мной происходило, даже, несмотря на то, что она была единственной моей подругой. У меня всегда были секреты от нее, потому что очень много было такого, про что знать было не нужно никому. Но сейчас мне надо было кому — то рассказать, что со мной произошло и попытаться в очередной раз найти всему этому логичное объяснение. Маме рассказать я не могла. Она будет сильно волноваться и пытаться подобрать правильные слова. Поздоровавшись с мамой, я быстро выбежала из дома. Добежала до дома Алии и постучала в дверь. Она мне открыла и мы пошли в ее комнату. Сам дом и вся обстановка в доме свидетельствовали о том, что ее владельцы имели достаточно хорошее материальное положение. Иногда Алия вспоминала своего прадеда, который заработал большие деньги,

благодаря драгоценным металлам, которые добывал здесь на протяжении всей жизни. Именно благодаря ему, она теперь могла хорошо жить и ни в чем не нуждаться. Наличие материальных благ помогало Алие поддерживать свое новое увлечение и связанную с этим смену имиджа в нужном направлении. Родители, свято чтившие традиции своего народа, не понимали данное увлечение, но покорно терпели переходный возраст своего ребенка. Сейчас, большую часть ее гардероба составляли кожаные вещи. Ей нравилось их носить и делала она это постоянно. Я помню, когда впервые взяла в руки ее кожаную куртку. Ее запах ударил мне в нос и я почувствовала нечто совсем странное. Этот запах вызвал в моей душе непонятное волнение и тревогу. Мне стало неприятно и жалко эту куртку одновременно. Я поспешила положить ее обратно на кровать. После этого я старалась не подходить близко к подруге и ее кожаным вещам. Вот и сегодня, она открыла мне дверь в кожаном топике и коротких хлопковых шортиках. Пройдя в ее комнату, я захлеб рассказала, что у меня случилось.

— Нет, я, конечно, понимаю, что ты какая — то особенная, но здесь ты уже перемудрила. Извини, подруга, не обижайся — сказала Алиа.

Я поняла, что она мне не поверила. Я вдруг подумала, что не стоило ей это говорить. Я не

хотела показывать доказательство моих слов. Нельзя было подвергать себя такому риску и выкладывать всю правду, да еще и с наглядными примерами. Именно тогда, в тот момент, я решила для себя, что это моя тайна. Моя личная, странная правда. Она только моя. Я никому никогда ее не расскажу, потому что она слишком не приемлема для чужих посторонних людей. Я вспомнила о маме, которая оберегала меня и мою тайну так тщательно, насколько это возможно. К врачам я никогда не ходила. Взвешивать меня было бесполезно. Я весила тридцать килограммов, даже в выпускном классе. Хотя внешне была нормальной, без каких — либо признаков анорексии. Последний поход к врачу в пятом классе, закончился истерикой у... врача. Она не могла проколоть мою кожу, чтобы взять кровь. Нет, я не обиделась на Алию. Я понимала, что это все действительно странно.

Выйдя из ее дома, я пошла на свое любимое место. Так как наш дом находился на самом краю поселка, сразу, за калиткой, начинался лес. Поселок со всех сторон был окружен лесом и возвышенностями с густой растительностью. От нашего дома было только две дорожки. Одна — направо, в поселок, а вторая — налево, в лес. Когда рабочие делали внешнюю отделку дома, кто — то из рабочих, увидев, что я часто бегаю в лес,

предложил выместить небольшую дорожку из камней, чтобы мне было удобнее ходить в дождь и слякоть. Мама согласилась. С тех пор от нашего дома вела красивая небольшая каменная дорожка, которая заканчивалась у корней высокой старой сосны. Просто ходить в лес меня не устраивало. Я хотела сделать там нечто такое — свое, личное. Сделать то, чтобы мне понравилось. В девятом классе я вырвала несколько деревьев и пересадила их в другое место, уплотнив ряды по кругу. Я не помню, когда я обнаружила в себе такую силу. Мне кажется, что я знала всегда, что обладаю огромной силой. Особенно где — то я ее не проявляла, может, поэтому мама о ней не знала. Я создала свой личный уголок счастья. Небольшая полянка в лесу — это было то место, где я проводила все свое свободное время. Я любила природу и не представляла своей жизни без деревьев под окном. По обе стороны от поселка на побережье Охотского моря находился Джугджурский государственный природный заповедник. Огромное количество охраняемых диких животных, растений; многообразие видов рыб — делали это место особенным и неповторимым. Я сидела среди берез, сосен, елей на земле, устланной толстым пушистым ковром из зеленой травы и всяких разнообразных растений. Несмотря на суровые климатические условия, с наступлением теплого времени года, на

полянке зацветали цветы. Их было не очень много, но из — за большого количества ярких красок, казалось, что вся полянка полыхает и светится. Достопримечательностью моего места было наличие нескольких камней — валунов, которым был не один десяток лет. Я нашла их в лесу, когда бесцельно бродила в поисках нужных мыслей. На них было удобно сидеть, и я решила перетянуть их поближе к себе. Каждого из трех гигантов я знала «в лицо». У каждого был свой цвет, форма, история. Мне казалось, что я чувствую их энергию и настроение. Я могла часами сидеть на одном из них и ловить каждый свой вздох чистого воздуха, малейший шелест листвы, неторопливое движение жука — короеда в коре лиственницы. Листва деревьев была густой и казалось, доходила до небес, поэтому солнечным лучам тяжело было пробиться на мой островок. Из — за этого там мне было невероятно комфортно и хорошо. Там, где имелись прорехи в зеленом море, тоннели пустоты сразу заполнялись солнечным светом. Солнечные тоннели, достигая земли, согревали ту, счастливую растительность, которой повезло погреться в немногочисленных солнечных ваннах. В тени деревьев было прохладно и сыро, поэтому там скапливалось огромное количество всевозможных насекомых, в том числе и кровососущих. Меня они никогда не трогали, почему — то моя кровь их не

привлекала, а если кто — то все — таки решался меня укусить, то сразу отпадал со сломанным жалом. Когда я в первый раз увидела тщетную попытку комара прокусить мою кожу, мне было смешно и весело. По мере взросления, наблюдая за этим процессом, мне все меньше хотелось смеяться. Это означало лишь то, что я отличаюсь от обычных людей гораздо больше, чем я себе представляла. В этой сырости мне было уютно и спокойно. Я никогда не чувствовала холода, жары, влаги. На солнце мне было плохо. Кожа сразу же покрывалась красными пятнами. Они начинали сильно зудеть и болеть. Это единственный случай, когда я чувствовала сильную боль. После случая с порезом самой себя, я знала, как еще могу причинить себе боль. Боль, конечно же, вызывала негативные эмоции, поэтому я старалась не попадать под прямые солнечные лучи и больше не трогать свои ногти. Без солнечных ожогов, белая кожа была гладкой и мягкой. Вен и капилляров видно не было, как не было ни одного родимого пятна. Волос было много. Густые и жесткие — они выросли до пояса и дальше расти отказывались. Темно — шоколадного цвета, с небольшими изгибами по всей длине, не требовали расчесывания и мытья. На протяжении некоторых жизненных периодов цвет волос менялся. В школе это был молочный шоколад, в университете уже горький

шоколад. Голубые глаза я часто прятала за густыми длинными черными ресницами, потому что многие спрашивали, где я взяла контактные линзы такого небесного цвета. Я никогда не пользовалась декоративной косметикой, но губы всегда были насыщенного бордового цвета.

Лучик солнца пробился сквозь большие листья. Ему очень хотелось меня потрогать. Он коснулся моего плеча и сразу обжег его. Я услышала небольшое шипение. Стало больно. Тогда я села под плотную тень ели и просто наслаждалась тишиной и покоем. Когда солнце стало спускаться с небосвода, я вышла из своего убежища и пошла гулять. Обогнув скопление молодых невысоких елей, я вышла на небольшой кусочек безлесья. Кусочек был настолько ярким, что появилась резь в глазах. Посреди леса теплый сочный кусочек солнца, который меня не обожжет. Вся маленькая полянка пестрела от красочных желтых одуванчиков. Я бережно опустилась на этот мягкий натуральный ковер. Мое лицо коснулось душистых цветов. Я лежала и вдыхала чудесный цветочный аромат; слушала музыку ветра, запутавшегося в тонких шершавых листьях. Я была в своем личном раю и не представляла, что его может кто — то нарушить.

Маме я решила ничего не говорить про дневной инцидент. Она знала, что я другая, но

предпочитала этого не замечать. Ей было страшно это принять. Вечером мы сидели на кухне и пили чай, когда к нам пришла бабушка Вера.

— Опять ведьмы гор разошлись — недовольно буркнула бабка, входя в дом.

Иногда, после заката, можно было слышать странный гул и сильные тупые удары. Некоторые утверждали, что это волки, а особо впечатлительные, были уверены, что это ведьмы. В наших краях водилось много диких животных, но близко к поселку они не подходили — боялись. Несколько раз, в детстве, сидя на веранде, я видела в темноте пару горящих глаз. Глаза были большие и, казалось, что в них горело черное пламя. Они внимательно наблюдали за мной. У меня возникало ощущение, что глаза умели думать и говорить, настолько они были живыми и осмысленными. Несколько секунд я смотрела на них, а потом с криками страха бежала к матери. Она успокаивала меня, уверяя в том, что страшные животные в заповеднике и здесь находиться не могут. А я знала то, что видела и была уверена, что это не взгляд дикого зверя. Зрение у меня всегда было отличное, а с возрастом становилось еще четче и острее. Тогда в темноте я видела лишь глаза, а через пару лет могла бы разглядеть и самого хозяина этих глаз, даже в абсолютной темноте.

После посиделок с двумя самыми близкими

своими женщинами, я пошла спать. В ту ночь, впервые за много лет, мне опять приснился кошмар. Я бегу в темноте по лесу. Бегу очень быстро, но это уже не я. Я не ощущаю своего тела. Я в каком — то другом теле. Я совсем не чувствую страха, хотя знаю, что смерть где — то рядом. Я бегу. Меня мучает жажда, сильная жажда. Я хочу пить. Вокруг темно, только тупые удары за спиной. Вот впереди деревьев становится меньше, я чувствую запах воды. Я огибаю последнюю ель... вот оно, озеро! Но там нет воды, там кровь! Много крови! У меня нет отвращения, у меня лишь жажда.

Я проснулась в холодном поту. Мне и вправду хотелось пить, но не крови, а воды. Я спустилась на первый этаж, вошла в кухню, налила стакан холодной воды. Я не успела сделать и глотка, как услышала звук падающих капель. Я посмотрела вниз. По моим ногам струилась струйка крови и стекала на плитку. От неожиданности стакан выпал из моих рук и разбился. На шум прибежала мама. Она была сильно встревожена. Я стояла в растерянности и не знала, что сказать. Мама посмотрела вниз и успокоилась.

— Ничего страшного не произошло. Ты ведь знаешь, что это такое. У тебя начались месячные. Пойдем, я отведу тебя в комнату.

Конечно, я знала, что это такое и все время ждала, когда это произойдет. Я боялась, что со

мной этого может вообще не случиться.

— Ты стала совсем взрослой. Теперь, ты можешь выполнить роль, заданную тебе природой. Ты можешь стать матерью. А теперь прими душ и спокойно ложись спать — сказала мама, поцеловав меня в лоб. Она ушла, закрыв дверь.

Я, безусловно, знала все функции и механизмы женского организма, но это произошло так внезапно, что напрочь лишило меня сна. Я давно уже не спала больше двух, трех часов за ночь. Этого времени хватало моему организму, чтобы полностью восстановить свои силы. Мама, конечно же, об этом не знала. Мне не хотелось лишней раз ее беспокоить. В свободное от сна время, я читала. Я очень любила читать. Предпочитала книги в бумажном варианте. Новая, напечатанная книга имела удивительный запах, неповторимый вид, по которому ее можно было легко отыскать среди множества литературы. Читать напечатанную книгу, означало для меня, погрузиться целиком в эту историю, сюжет; поглощать энергию напечатанных букв; чувствовать вибрации живых слов. Если не удавалось купить нужную книгу, приходилось пользоваться интернетом. Вот и сегодня, я открыла книгу и живо унеслась в мир иллюзий до утра. Утро выходного дня было лучшим временем для прогулок по одинокому песчаному пляжу. Я стояла на мокром мягком

песке, смотрела вдаль на поднимающиеся грозные волны, слушала крики чаек. Я любила море и не представляла своей жизни без него. Я сидела на песке, у самой воды. Моими собеседниками были лишь серые одинокие камни, об которые небрежно ударялись волны холодного моря. С моря дул холодный ветер. Даже весной и летом вода была очень холодной, поэтому никто никогда не купался. Иногда, когда меня никто не видел, я заходила в воду по колена. Ощущения были невероятные. Я чувствовала тепло, легкое, нежное, как прикосновение шелка. Я смотрела вдаль и благодарила Бога за удивительную природу, которой я имею счастье наслаждаться. Мои размышления прервал телефонный звонок. Алия просила зайти.

Мы сидели на кухне. Алия, в который раз забыв, что я не ем сладкого, предложила мне пирожное. Немного поморщив лоб, достала свиную отбивную. Я никогда не ела сладкого, просто потому, что не чувствовала его вкуса. Вкусовые рецепторы распознавали только вкус мяса, а благодаря удивительно острым зубам, я легко его пережевывала, даже с небольшими косточками. Косточки я ела, когда у меня чесались зубы, у себя в комнате, чтобы никто не видел. Кстати, зубы у меня никогда не болели и не покрывались кариесом.

Проболтали мы до ночи. Мама волновалась, как я дойду домой, в темноте. Алия знала, что я не боюсь темноты. Идя в крошечной тьме, я все прекрасно видела. Вдруг за спиной я что — то почувствовала. Я слышала, как быстро движется кровь по венам у этого существа! Это было странно, я чувствовала его страх! Оно меня боялось. Я повернулась и увидела впереди горящие глаза. Они в упор смотрели на меня. В них я видела всю жизнь этого животного, его боль и страх. Это была волчица. Здесь? Сейчас? Это выглядело как — то неправдоподобно, невероятно. Я услышала рычание. Она приближалась ко мне. У меня не было страха и смятения. Я знала, что она меня не тронет. Я сильнее ее! Это безумие! Этого не может быть! Это сложно объяснить, но я знала, что я главная. Через мгновение, она бросилась на меня. В этот момент у меня вообще не было никаких мыслей! Инстинктивно я оттолкнула ее рукой. Она упала на землю. Я подошла и наклонилась. Смотря ей в глаза, я не видела перед собой зверя. Я видела человека. И пахла она, как человек. Это был какой — то бред. Я стала рычать, даже не задумываясь, зачем я это делаю. Она отвела глаза и медленно поползла в темноту. Я пошла дальше. Я не помню, как дошла домой, как поговорила с мамой, как оказалась в своей комнате. Меня преследовали эти глаза. Непонимание произошедшего еще долго

вводило меня в ступор.

Было лето — пора школьных каникул. Мы с Алией все время проводили вместе. Я ей рассказывала об всяческих природных явлениях, она мне о музыке. Я везде ходила с зонтиком. К этому все привыкли. Несмотря на северные широты, у нас тоже были жаркие солнечные дни. В июле и августе температура могла подниматься до 27 градусов. Солнышко пригревало хорошо, поэтому я прикрывалась зонтиком. Он был маленьким, компактным, чтобы мне было удобнее его носить, цвета мокрого асфальта, с изображением Нью — Йорка в черно — белом варианте. Иногда мы с Алией ходили на мою поляну. В то время одуванчики уже отцвели и на их место пришли ромашки с ирисками. Ромашки были крупными, с большими белыми лепестками, отходящими от желтой большой сердцевины, как лучики от солнца. Ириски, наоборот, маленькими фиолетовыми цветочками, сидели по обе стороны плотного толстого зеленого стебля. Вокруг цветов роились пчелы и множество других насекомых, в том числе комаров и слепней. Я отгоняла их от Алии, так как меня они не трогали. В такие моменты Алиа мне завидовала. В такую пору моя поляна имела, действительно, сказочный вид.

Время летело быстро. Осень уверенными шагами наступала на пятки лету, все еще

пытавшемся увернуться и подарить земле еще немного тепла. Начинался последний учебный год. Безусловно, он был самым трудным и волнительным. Для меня, конечно, не в плане получения и закрепления знаний, а в плане больших перемен в моей тихой замкнутой жизни.

Утром, зайдя в класс, было приятно увидеть всех своих немногочисленных одноклассников.

— А, Ирма! Все такая же бледная и серьезная! Ничуть не изменилась! — с иронией произнес Олег.

Олег... Олег... Он заслуживает несколько строчек в моей автобиографии, хотя бы потому, что выделялся среди других мальчиков своим отношением ко мне. С каждым годом мои способности и отдельные качества становились все лучше и четче. Я помню тот день в выпускном классе, когда утром проснулась и вдруг поняла, что я знаю все обо всех. Я долго сидела на кухне и под предлогом, что неважно себя чувствую, приноживалась к собственной матери. Я не могла понять, чем она пахнет, пока не разобралась, что так пахнет ее кровь. Теперь я знала, что она чувствовала во время моего зачатия и как сходила с ума от незнания — выживу я или нет. Теперь я могла почувствовать запах предательства и то, что она до сих пор любила моего отца. Теперь я знала все. Поэтому, придя в очередной раз на занятия, посмотрев на Олега, я все поняла. Еще в младших

классах, провожая меня домой, он сильно краснел и заикался. Я думала, что это давно прошло, но это не так. Детская симпатия переросла в нечто большее, что было мне чуждо. В некоторой степени он тоже мне был симпатичен — высокий, плотного телосложения, с большими карими глазами, черными волнистыми волосами, с прямым ровным носом и пухлыми губами. Тогда я была слишком закрытой для всех, закрытой от любых эмоций. Потом я почувствовала его мысли и убедилась, что все эти годы была права. Мы были разными. Иногда я уже готова была влюбиться, но внутренний голос останавливал меня, потому что чего — то не хватало. Потом я поняла, чего. Не хватало моей любви. Последний год мне сложно было находиться с ним рядом, потому что я чувствовала, как он горит желанием ко мне, как бьется его сердце, но я закрылась от него, о чем ни разу не пожалела.

Остальные три мальчика ничем особым мне не запомнились, лишь тем, что ходили всегда вместе. Девочки же были гораздо разнообразнее по внешнему виду и увлечениям. Хрупкая рыжая Вика увлекалась пирсингом, поэтому зияющие пустотой проколы, красовались на ее теле повсеместно. Пустыми они были, потому что родители умоляли дочь хотя бы в школе снимать всю эту красоту. Удивительно, но получить желаемое, допустим

Вике, не составляло труда, даже в нашем забытом поселке. В теплое время года, авиация к нам прилетала довольно часто, и не было большой трудностью слетать в Хабаровск. Остальные девочки не занимались экстремальными видами искусства. Варвара была яркой, крашенной блондинкой с маленькими накрашенными губами. Варя всю готовилась к поступлению и переезду в большой город. Честно говоря, у нее были все шансы пройти тесты на отлично. Несмотря на внешность маленькой кокетливой блондинки, она была умной и образованной. Наташа, наоборот, была неприметной серой мышкой, в сереньком платье, с хвостиком каштановых волос. Всегда задумчивая и молчаливая. Ольга имела посредственную внешность и не совсем эрудированную голову, но благодаря своим родителям, которые ее боготворили, была уверена в собственной уникальности. Мы с Алией завершали сие странное сборище.

Дни пролетали быстро. Все были заняты подготовкой к предстоящим экзаменам и выпускному вечеру. В свободное время я ходила в лес, на свое любимое место. Полянка и все вокруг менялось, в зависимости от поры года, но в любое время, в любую погоду лесной пейзаж меня манил, притягивал к себе своей вечностью, умиротворением. Время от времени, сидя на камнях

или просто слоняясь по лесу, я слышала странные звуки. Они доносились со стороны больших гор либо со стороны моря. Я к этому, практически, привыкла и не придавала такого важного значения. С наступлением половой зрелости, мое тело стало меняться быстрее и сильнее. У меня появилась грудь, округлились бедра, губы стали пухлее. Вес не изменился. Он, как и прежде, был очень маленьким. Несмотря на изменяющийся рост в большую сторону, вес не хотел расти. При прохождении медицинского осмотра, мама вписывала лишние двадцать пять килограммов. Это было странно. При росте сто семьдесят сантиметров весить тридцать килограммов, но мама ничего сделать не могла, только наблюдать, как я расту. Иногда, при сильном порыве ветра я поднималась над землей. Сначала меня это пугало, а потом я привыкла и в сильный порывистый ветер старалась не выходить из дома. Ночные кошмары стали чаще. Слух стал настолько острым, что теперь я слышала, как дышит мама в своей комнате. Теперь все чаще я слышала вой со стороны гор. Я могла различить, что это смех и визг женского голоса. От этого становилось не по себе. Я сразу вспоминала легенды о ведьмах, которые здесь живут со дня основания поселка. С каждым днем меня все сильнее мучила жажда. Она наступала внезапно и также внезапно исчезала. Во время таких приступов

я держалась за горло и готова была залезть на стену. Никакие жидкости не могли утолить эту страшную пронзающую жажду. Я ощущала, что каждый мой орган внутри моего тела требует что — то. Что именно — я не знала. В такие моменты я чувствовала каждую клеточку своего организма. Каждый миллиметр моего тела просил, неистово просил чего — то. Мне хотелось кричать, от раздрающего меня чувства потребности в чем — то. Я покрывалась липким потом. Я не чувствовала его, лишь ручейки, бежавшие по лицу, свидетельствовали о его наличии. Я закрывала рукой рот, чтобы не один звук не вылетел из моего страдающего организма. Через несколько минут все стремительно заканчивалось. Изнеможенная, я падала на кровать и моментально засыпала. Я спала три — четыре часа. Иногда мой сон сопровождался чудесными счастливыми картинками, а иногда я вскакивала от ужасных кровавых кошмаров.

До окончания школы оставалось все меньше времени и появлялось все больше разговоров об окончании школы и необходимости переезда в другой город. Мысли о переезде меня пугали. Я была не из робких, но большой город со своими правилами и устоями, с большим количеством людей — настораживал меня и заставлял задуматься. Как я вольюсь в жизнь большого мегаполиса? Ведь я такая непохожая! Такая другая!

Я долго сидела возле распахнутого окна в своей комнате. Вглядываясь вдаль, вдыхала аромат свежескошенной травы под окном, чувствовала дыхание ветра, колебание тонких верхушек деревьев в потоке воздушных масс, которые меняли свое направление, в зависимости от погоды, приходящей с моря. В такие минуты моя голова взрывалась от вопросов, на которые я не могла найти ответа. Кто я? Почему я такая? Кем я вообще являюсь? Есть ли еще, на этой земле, такие как я? Найти бы хоть одного человечка, даже на самом краю земли! Тогда комок подступал к горлу, было трудно дышать. Я не знала такого человечка, и, наверное, не узнаю никогда. Я одна, сама буду разгребать эту жизнь, такую, какую мне подарил Бог.

В один из октябрьских осенних вечеров я задержалась у Алии допоздна. Мама оборвала телефон, и я поспешила домой. Теперь в темноте я видела и слышала лучше дикой кошки. Я шла расслабленная, наслаждаясь хорошей осенней ночью. Вдруг передо мной возникло белое облако. Облако было похоже на сгусток дыма, от выкуриваемой сигареты. Через несколько секунд облако стало плотнее. Оно стало приобретать определенные черты. И вскоре перед собой я увидела женщину. Она была небольшого роста, с длинными волосами пепельного цвета, сияющей

белой кожей и совсем без одежды! Глаза, на красивом правильном лице, горели ярким неоновым светом. Я замерла. Почему — то я ее совсем не боялась, а даже наоборот. У меня появилось ощущение, что я ее знаю. Женщина неподвижно висела в воздухе и пронзительно смотрела на меня. Она смотрела долго, не отводя взгляда, и я вдруг почувствовала, как волнуется кровь в моих венах. Я ощущала ее запах. Ее кровь двигалась так быстро, в хаотичном порядке, что я не успевала ее уловить. Странная фигура имела полупрозрачный вид, но я все равно ее чувствовала точно и объемно. Во всем ее блике было что — то дикое, первобытное. Ее душа стремилась к покою, но этот покой кто — то всегда нарушал. Внешне она была молода, но у меня сложилось впечатление, что душа ее очень стара и ей необходимо уединение и покой. Я даже не успела открыть рот, как она взглядом прочитала мои мысли. У меня в голове так громко звучал вопрос: Что тебе нужно? Что мне не пришлось его озвучивать.

— Ты! Мне нужна ты! — это было так ясно и четко выражено в ее взгляде, что я без труда это поняла на ментальном уровне.

Меня очень разозлил этот ответ. Кто она такая, что бы заявлять на меня свои права! Вместо страха, ко мне пришла ярость. Я начала скалиться. Я чувствовала, как в моих жилах закипает кровь, в

прямом смысле этого выражения. Она начинала бурлить. Я все больше наливалась злобой. Моя кожа стала лиловой, от нее пошел пар. Скалясь и шипя, я стала приближаться к незнакомому объекту. Она внезапно рассеялась в теплом сыром осеннем воздухе. Я еще несколько минут стояла и остывала. Кровь перестала бурлить. Кожа приобрела белый цвет. Хотя в темноте уже никого не было, я еще ощущала ее запах. Этот запах невозможно было с кем — то перепутать. Он был особенным. В нем таились нотки первобытности, необузданности, с чем — то женственным, сладким, манящим. Я медленно шла домой и в моей голове никак не могли соединиться все кусочки мозаики. Я вроде бы обычный человек, рожденный естественным путем от обычной женщины. Тогда, почему я веду себя, как зверь? Я готова поклясться, что минуту назад чувствовала себя дикой кошкой, но никак не человеком! Кто меня постоянно преследует? Почему я одна такая? Даже в интернете, про таких, как я, ничего не сказано. Значит, мама что — то скрывает от меня!

В ту ночь я совсем не спала. Для меня это не было чем — то экстраординарным. Иногда, мне по двое — трое суток не хотелось спать. Целыми ночами я просиживала в интернете, пытаюсь найти хоть что — ни будь об этой женщине.

Проходили дни, недели. Я мучилась в

догадках. Что ей от меня нужно? Откуда она пришла? После занятий все свое свободное время я проводила в лесу, на своей поляне. В это время года она не была такой сказочной, как летом и весной. Осенью и зимой в поселке было мрачно и темно. Световой день совсем короткий, поэтому все спешили домой. Только я гуляла, где хотела. В темноте я чувствовала себя свободнее и спокойнее. Никто не видел, как я забираюсь на самую верхушку дерева и сижу там, свесив ноги. Несколько лет назад, во время небольшой летней бури, меня занесло на ветку дерева. Ветка была около самой верхушки. Сначала я испугалась, хотела позвать на помощь. Потом осмотрелась и поняла, что меня выдержит даже самая хрупкая ветка, а спуститься я могу, спрыгнув просто на землю. Я попробовала и не прогадала. Мое падение можно сравнить с падением перышка, которое вылетело при потряхивании подушки. Медленно, осторожно я спускалась с высокой ели, болтаясь на воздушных волнах, подергиваясь от малейшей вибрации ветряных потоков.

Пахло холодом, приближающимся снегом. Деревья сняли свои зеленые камзолы, кроме елей и пихт. Теперь они были голыми, одинокими и беззащитными. Слегка свесив свои длинные оголенные ветви, иногда покачиваясь от резкого порыва холодного ветра, всем своим видом

пытались навести уныние и грусть. На другого человека это может быть и подействовало бы, но мне нравился этот пейзаж. Сидя посреди полянки, густо украшенной желтыми листьями, разбросанными по всей поляне вместе с грязью и всякими старенькими веточками, я с наслаждением вдыхала аромат меняющейся поры года. Я чувствовала холод и сырость, но на себе это не испытывала. Время от времени моросил мелкий дождик. Я сидела на камне, в черной стеганой куртке, и с удовольствием подставляла каплям воды свое лицо. Я любила осень на всех ее стадиях. От золотой поры, когда кажется, что идешь по мягкому золотому ковру, а сверху светит яркое солнце, пытающееся согреть тебя остатками летнего тепла. До стадии завершения, когда все сюрпризы осени уже закончились. Когда осталось только плакать мокрыми холодными каплями, дуть пронизывающим ветром и пугать людей мрачным серым небом. Было в этом небе что — то особенное. Мрачное, потухшее — оно будто бы напоминало, что все в жизни непостоянно, переменчиво. Что на смену плохому, обязательно, приходит хорошее, и наоборот. Вдали, за полосой мрачных одиноких деревьев, показывали свои снежные шапки вершины гор. Ближе к подножию гор я не подходила. Было в них нечто таинственное. Среди местных жителей ходили легенды о ведьмах,

устраивающих гуляния в горах. Приезжие альпинисты были частыми гостями в этих горах. Некоторые, время от времени, исчезали. Туристы приезжали к нам очень редко. А те, кто приезжал, с трудом верили в местную легенду.

Ночью меня все чаще мучили приступы жажды. Когда их не было, я читала. Теперь я могла читать, не включая настольной лампы. Ночью я видела все также ясно и четко, как днем. Сильных приступов гнева больше не было, но ощущение бурлящей крови в венах еще долго преследовало меня. Слух стал еще острее. Теперь, сидя в своей комнате, я слышала, как муравьи перетаскивают мельчайшие веточки в свой муравейник, возле нашего дома. Также ночью я услышала первый снег. Посреди ночи, во сне, я услышала, как мягкие пушистые хлопья снега осторожно ударяются об стекло окна. Я выскочила из кровати. В одной пижаме спустилась на первый этаж и босая выбежала из дома. На улице было темно, лишь белые снежинки, медленно кружась, опускались с небес на землю. Я стояла под белым нежным дождем с улыбкой на лице. Видя первый снег, я всегда немного была взволнована. Он такой светлый, чистый, новый. Для меня это означало перемены к чему — то хорошему, лучшему.

Был канун Рождества. В гостиной стояла большая ель. Мы с мамой каждый год, на

праздники, ставили это вечнозеленое дерево. Украшали ее тоже вдвоем. На ней висели шары разных размеров и форм, но цвета были только три: синий, серый, красный. Эти цвета хорошо сочетались между собой и приводили ель в некий торжественный порядок. Опоясывали дерево гирлянды белого цвета и разноцветные огоньки. Рождество и Новый год — это мои любимые праздники... до сих пор. Украшенная ель, пахнувшая на весь дом; ожидания подарка и надежда на то, что в новом году будет все по — другому. Будет меньше трудных вопросов, меньше тревог и боли, больше хороших встреч и надежд. Такое врезается в память и остается в мозгу, пока он не перестает пульсировать и сознание частично не умирает в этой человеческой тушке, под названием человек.

В рождественский вечер у нас собрались мамыны немногочисленные коллеги по работе и одновременно друзья. Мама прекрасно готовила и все были в предвкушении побаловать свои вкусовые рецепторы разнообразными приятными вкусами. Вот пожилая пара. Никого из них я не помню по именам, и вообще эти имена я, в ряд, ли знала. Тогда для меня это не представляло никакого интереса. Вот еще одна пара, моложе. Три женщины среднего возраста весело громко хохочут, потом обсыпают меня комплиментами. Зачем это? Мне это не нравится, я уйду на кухню. Сижу и с

наслаждением ем отбивную. Через некоторое время пришла бабушка Вера. Улыбнувшись гостям, пришла и села возле меня.

— Ирма, ты хоть еще что — ни будь съешь — шепнула мне бабуля. — А то все мясо и мясо только ешь. Взгляд уже стал, как у хищника.

— Брось, бабуля. Не говори ерунды! — ответила я ей.

Теперь я практически отказалась от другой еды. Всему многообразию я предпочитала только мясо. Был у него какой — то особый вкус. Положив в рот кусочек, мои вкусовые рецепторы могли определить, из какого животного состоял мой прием пищи. Только мясо давало мне возможность почувствовать всю полноту вкусовых ощущений. Оно заставляло работать все мои вкусовые рецепторы и только после него приступы жажды ненадолго прекращались.

Все мои дни проходили по одному и тому же сценарию. Утром занятия, днем прогулки по лесу, вечером ужин с матерью. Придя со школы, я не спешила делать уроки. На это у меня была целая ночь. За ночь я успевала сделать уроки, изучить дополнительный материал к экзаменам, прочитать какую — ни будь книгу. Так прошла зима и наступила весна. Алия все реже выходила гулять и все больше сидела за учебниками. Наступило время выпускного вечера. К счастью, нам не пришлось

лететь, чтобы купить себе выпускной наряд. Предприимчивая женщина, как только открыли авиаперелеты после зимы, сама слетала и купила костюмы и платья. Все были только рады. Дом Светланы, так звали женщину, находился на противоположной стороне поселка. В одно воскресное утро мы с мамой решили сходить посмотреть и что — ни будь выбрать. На улице ярко светило солнце, деревья вежливо здоровались, не спеша, шелестя своими свежими зелеными ладонями. Приятный ветерок обдувал лицо, унося птичьих голоса куда — то в море. Мы шли, ступая по мягкой зеленой траве. В душе ощущались тревога и радость одновременно. Тревога от незнания будущего, радость от уверенности, что все будет хорошо. Вот дом, который нам нужен. Небольшое деревянное строение, желто — коричневого цвета, с одним этажом и маленькой верандой. Полная, темно — русая женщина пригласила нас в дом. Мы друг друга, конечно же, знали, заочно. Близко не сталкивались и дома не были. Войдя внутрь, мы сняли обувь и прошли в одну из немногочисленных маленьких комнат. В доме все было скромно, но со вкусом. Я присела на диван светло — бежевого цвета. Вдохнула воздух и что — то почувствовала. Запах боли и страданий я чувствовала очень хорошо. Оглядевшись, я увидела маленький комочек в глубине дивана, между

пухлыми коричневыми подушками. Щенок черного окраса смотрел на меня и тихо стонал. Я почувствовала его кровь и все, что она могла мне рассказать. Меня охватила жалость к бедному животному, но это было лишь первые несколько минут. Внезапно я почувствовала большое количество слюны у себя во рту. Мне жутко захотелось есть. Я пыталась выбросить дурные мысли из своей головы, но внутренний голос повторял: Ты же хочешь его! Он такой свежий! Такой живой, сладкий! Тогда я впервые по — настоящему испугалась саму себя. Мне стало очень страшно. А вдруг я не смогу себя контролировать? Что тогда будет? Неужели я смогу его съесть? Я готова была убежать оттуда, но здравый рассудок победил, и я осталась, делая вид, что ничего не произошло. Бедному животному я решила все — таки помочь.

— Скажите, у вас есть жгут для перевязок? — спросила я женщину.

— Да, конечно. А зачем? — настороженно спросила она.

— У вашего щенка сломано одно ребро. Нужно туго перевязать, это уменьшит боль, и оно быстрее срастется.

Я все сделала, и щенок сразу встал на лапки. Хозяйка была в не себя от счастья. Я больше не чувствовала его страха. Его кровь не кричала о

боли. Мне стало легче себя сдерживать. Я не чувствовала страха и желание на него наброситься стало исчезать. После приступа радости, женщина посмотрела на меня и лукаво спросила:

— Откуда ты узнала, что у него сломано? Ты ясновидящая что ли?

Улыбнувшись, я отрицательно покачала головой. Пришлось придумать историю об большой увлеченности ветеринарией и хорошей начитанности в этой области. Все это время мама сидела в оцепенении и молча, смотрела на меня. Я предчувствовала, что вечером меня ждет трудный долгий разговор, но я уже знала, что, ни при каких обстоятельствах не выдам ей ни одной своей тайны. А пока я находилась в предвкушении увидеть красивые платья и найти свое. Я никогда не придавала особого значения тому, что на мне одето. Главное, что бы одежда была комфортной и функциональной. Именно, по этой причине, в моем гардеробе не было ни одной юбки и не одного платья. Время от времени, я чувствовала все — таки себя девушкой и хотела надеть красивое платье и отправиться с принцем на бал. В нашем поселке не было ни принцев, ни балов, поэтому желание оставалось на уровне фантазии. Хозяйка, в благодарность за мою помощь, сразу повытаскивала все свои лучшие платья. Такой красоты я еще не видела. Разбегались глаза от

насыщенных различных цветов. Я пробежалась по ряду из платьев и мой взгляд, остановился только на одном. Я поняла, что это мое платье. Никакие другие наряды смотреть я уже не хотела. Платье было насыщенного бордового цвета: на тонких бретелях, длинное в пол, с небольшим шлейфом сзади. Хозяйка дома помогла мне надеть платье, застегнула боковую молнию, обвязала талию белоснежным широким поясом из атласа, который сзади завязывался в небольшой бант, а кончики тянулись до самого пола и были одинаковой длины со шлейфом платья. Впереди, с правой стороны, практически в самом низу, я увидела три маленькие розы, которые были вышиты мелким белым жемчугом. Я поправила волосы, которые касались самого банта и подошла к большому зеркалу.

— Ах! — невольно вырвалось из моей груди. Себя, такую, я еще не видела. Признаться без ложной скромности, я и вправду была хороша. Мама и продавец платья, молча сели на диван.

— У вас и правда, девочка, странной неземной красоты — переводя дыхание, сказала женщина.

Расплатившись, мы забрали платье и вышли из дома. Был полдень. На небе ярко светило солнце. Я пряталась от него под зонтом. Всю дорогу мы молчали. Было неловко нам обеим. Мама не хотела спрашивать, о том, что видела. Я не хотела объяснять то, что она видела. Мы практически

были уже возле дома, когда у мамы зазвонил мобильный телефон и маму просили срочно прийти в больницу. Я облегченно вздохнула. Я понимала, что этот разговор состоится в любом случае, рано или поздно, но в данном случае, лучше поздно. До вечера я в беспокойстве ходила по дому. Больше всего я боялась, что не выдержу и выложу ей всю правду, до последней капли. А этого делать было категорически нельзя! Ей эта правда не поможет, а только навредит. Я была уверена в том, что должна оберегать себя и свои особенности, даже от мамы. Я ревностно относилась к своей личной жизни, а в данном случае эта тайна и была моей личной жизнью. Никто не имел права постигать на мою тайну, а значит и свободу. Я думаю, мое нежелание рассказывать все про себя, даже родной матери, связано со страхом. Мне было страшно, что кто — то об этом узнает и вторгнется в мое личное пространство, даже из благих побуждений. Я слишком другая. Слишком чужая. Ведь многое приходится скрывать от близких людей, не потому что их не любишь, а потому что, наоборот, хочешь сохранить теплые нежные отношения между вами. Сохранить отношения чистыми, без неудобных вопросов, ненужных оправданий, неловкого молчания. Я услышала мамины шаги, не далеко от дома. Хлопнула тяжелая входная дверь. Я вышла на встречу.

— Пойдем, попьем чая — сказала мама, уставшим голосом.

— Да, конечно, пойдем — подхватила я, надеясь на то, что из — за усталости, она не захочет начинать трудный разговор.

Мы зашли на кухню. Я села за круглый деревянный стол, украшенный красной скатертью. Мама поставила чайник. Кухня была небольших размеров прямоугольной формы. С одной стороны разместились гарнитур из дерева, светло — молочного цвета. С другой, столик и стулья, а рядом, возле двери стоял небольшой холодильник бордового цвета. Сразу над столом было большое окно. Из него открывался чудесный вид на лес, а в дали и на гору. Я отвлеклась на минуту, засмотревшись на деревья, которые стояли в новых зеленых уборах. На легком весеннем ветру, эти уборы разных форм и мастей, покачивались, воспроизводя сладкий неспешный шорох. Музыка для моих ушей. Мое задумчивое спокойствие прервала мама. Она подошла и стала разливать чай по чашкам. Это были особые чашки. Из набора они брались редко, только для гостей. В наборе было шесть чашек и шесть тарелочек. Изготовлены из фарфора, с разными рисунками и разных цветов. Мне досталась розовая чашка, а себе мама взяла синюю. Разговор и вправду обещал быть долгим и трудным.

— Ты знаешь, я всегда знала, что ты другая. То, как ты выглядишь, твои привычки, образ жизни — все другое. Но... я никогда тебя ни о чем не спрашивала, наверное, боялась услышать то, во что поверить будет трудно, а принять, еще труднее — тяжело выдохнув, произнесла мама.

— Да, ты кое о чем не знаешь. Я не рассказывала тебе, не потому что не доверяю тебе, либо не искренне отношусь к тебе. Просто это касается лично меня. Это моя личная тайна. Я не ставила целью намеренно это скрыть от тебя. Просто так получалось, что всякий раз мне приходилось об этом забывать. Наверное, я сама не хотела это обсуждать, не хотела принимать видимые вещи, не хотела знать то, что я знаю. Сейчас я попробую тебе рассказать — мне было тяжело говорить.

В груди защемило и стало тяжело дышать. Мне, вдруг, стало ее не выносимо жаль. Она сидела напротив меня, с морщинками на лице, уставшими глазами, одинокой душой. Ее когда — то красивые волосы, теперь всегда были собраны в пучок на затылке, лицо давно отвыкло от макияжа, а гардероб состоял из темных вязаных платьев и длинных юбок. В порыве чувств я уже готова была полностью оголиться и рассказать всю правду. Мне никогда не были свойственны минутные порывы и слабости, я всегда держала себя в руках. Мой

здравый рассудок всегда преобладал над чувствами. Вот и сейчас, я быстро взяла себя в руки. Решила дать ей немного информации, порционно и с фильтрацией. Я рассказала про ногти, то, что она знала, но пыталась от меня скрыть. О том, что чувствую чужую кровь и могу по ней рассказать о человеке практически все. Мама была поражена тем, что я не чувствую тепла и холода, что все это время я старательно укутывалась зимой ради нее, а летом изображала жару. Ей было интересно узнать, что каждую ночь в доме спит только она, а я развлекаю себя, чем могу. В тот вечер мои слова были абсолютной правдой, только половину правды я утаила от нее. Почему? Может быть, мне было ее жаль? А, может быть, я сама не воспринимала себя тем, кем я на самом деле, уже тогда, являлась? Наполовину человеком, наполовину зверем? Я не хотела об этом говорить, потому что не хотела в это верить. Да и как можно добровольно в это поверить! В тот вечер мы долго разговаривали. Иногда смеялись под чашку чая с ароматным печеньем. Мамины глаза, ее улыбка действительно были искренними. Она больше не боялась за меня, потому что ничего страшного не услышала. Так думала она. На тот момент я была рада, что она так думает и верит в это. Ближе к ночи мы разошлись по разным комнатам. Теперь, по ночам, мне можно было не прятаться, но за все

эти годы я привыкла сидеть в своей комнате и меня больше никуда не тянуло. Мама зашла пожелать мне спокойной ночи. В голубой ночной сорочке, с все еще заплетенными волосами, ее взгляд излучал спокойствие и доброту. Я видела, что после нашего разговора ей стало легче и спокойнее. Я убедилась, что все сделала правильно. Лишняя информация ей бы только навредила. Лежа в постели, мне вдруг дико захотелось спать! В ту ночь я проспала целых четыре часа!

Все последующие дни были заняты подготовкой к выпускному вечеру. Выпускные экзамены прошли легко и незаметно для меня. Мама старалась решить мою главную проблему — маникюр. Для настоящего маникюра надо было отклеить всю ленту от ногтей, а это было опасно. Мы решили по — другому. Мы просто на ногти с лентой наклеили искусственные ногти. Смотрелось очень реалистично и гораздо лучше, чем я ожидала. Чем ближе приближался день выпуска, тем страннее было осознавать, что теперь я практически не отличаюсь от своих одноклассников. Так же волнуюсь, так же ожидаю вечера, после которого моя жизнь изменится навсегда.

Я стояла перед большим зеркалом у себя в комнате. Волосы свободно лежали на плечах, так как волосы у меня тоже были особенные — их невозможно было уложить в прическу. Они всегда

имели одну длину и лежали всегда одинаково, только кончики немного завивались. Маникюр был очень похож на настоящий и белый цвет кончиков ногтей хорошо подходил к платью. Завершали образ туфли — лодочки бордового цвета. От макияжа я отказалась. Он мне был не нужен. Природные краски моего лица позволяли и так многим думать, что я злоупотребляю косметикой, потому что раньше мое лицо было обычным. Да, со временем черты моего лица стали четче, а краски насыщеннее и выразительнее. Глаза светились голубым светом, брови и ресницы имели угольно — черные оттенки, губы были насыщенного бордового цвета. Лицо имело белые отливы, словно я специально выбеливала его.

В комнату вошла мама. Она была в черном маленьком платье — классика. На ногах были черные туфли на высоком каблуке, чему я очень удивилась. Прежде я не видела ее в этих туфлях. Было заметно, что мама немного смутилась под моим пристальным взглядом.

— Когда ты их купила? Я не видела их раньше — не выдержала я.

— Да... лет двадцать тому назад. Мода ведь возвращается. Наверное, теперь уже смешно. Пойду, сниму — ответила мама.

— Нет! Нет! Что ты, тебе идет — я попыталась ее успокоить.

— Мам, а почему ты так и не вышла замуж? — спросила я.

— На это было несколько причин. Во — первых ты, я не хотела, что бы в твой, такой особенный мир, кто — то вторгался, пусть и с хорошим отношением к тебе. Во — вторых, я не была готова поверить кому то во второй раз, и в — третьих, где же здесь найдешь хорошего одинокого мужчину? — ответила мама и на ее гладком лице появилась горькая усмешка.

Мне было ее жаль, как женщина женщину. Иногда я задумывалась, чего я жду от этой жизни и готова ли я окунуться с головой в первую влюбленность. На что, сразу, сама себе отвечала, конечно, нет! Состояние влюбленности подобно наркотическому воздействию. Оно покрывает пеленой твой разум, ты добровольно укутываешь себя цепями из безразличия, безрассудства, непонимания по отношению к другим людям. Если кто-то против твоего объекта любви, ты испытываешь к нему ярость, обиду, злость и даже не пытаешься прислушаться к словам, может быть, правды. Тебя нет. Твое сознание уже поглощено другой энергией и чужими мыслями. Я не хотела терять рассудок, ни при каких обстоятельствах. Кроме того, я не представляла, какой молодой человек может быть рядом со мной. Учитывая все мои особенности, способность читать другую душу,

мне будет скучно рядом с ним и тоскливо. Исходя из всех условий, я не питала больших надежд на кардинальное изменение своей жизни вне этого поселка. Отучусь, получу диплом и вернусь обратно. Я не смогу больше нигде жить, кроме места моего рождения. Тогда, своими размышлениями я, наверное, рассмешила Бога. Наверное, поэтому он решил мне сделать жизнь, полную сюрпризов — страшных, блаженных, жестоких.

— Давай, я сделаю тебе прическу — предложила я, пытаюсь отвлечь ее от грустных мыслей.

— Нет. Нет. Мне хорошо и со старой прической — стала сопротивляться мама.

Надо отметить, что сегодня ее строгая прическа хорошо подходила к ее наряду. А белый жемчуг в ушах и на шее придавал ее образу женственности и изящества. Я тоже любила жемчуг, но брала его редко. Я вообще очень тщательно выбирала себе украшения. Покупала только простые, не вычурные вещи. Бижутерию с искусственными камнями носить не могла. Мой нос улавливал синтетический запах и от этого, становилось тошно. В моей коллекции было лишь жемчужное ожерелье и серьги, серебряная цепочка с подвеской из гематита и браслет с мелкими камешками аметиста. Сегодня в моих ушах были

лишь серьги, выполненные из серебра в виде гроздьев винограда, где виноградом был мелкий натуральный жемчуг.

Мы вышли из дома. Погода была чудесная. Время приближалось к полудню. Небо заволокли маленькие белые облака. Их было так много, что у солнечных лучей не было шанса меня обидеть. Меня это только радовало. К нашей длинной, похожей на белый корабль, школе стекались ручейки из моих немногочисленных одноклассников. Мы шли по протоптанной тропинке, среди ярких цветов и мягкой травы. Сегодня мы прощались со школой. С тем сокровенным местом, в котором хранится вся наша жизнь: от беззаботного детства до серьезной ответственной юности. Мы разместились в зале для торжеств. Все одноклассники преобразились до неузнаваемости. Мы впервые видели друг друга в таких образах, поэтому все внимательно рассматривали друг друга. Мальчики сегодня были вовсе уже не мальчиками, а взрослыми серьезными парнями, а девушки походили скорее на ответственных фрейлин при дворе какого — ни будь короля. Олег посмотрел на меня и тут же стыдливо отвел глаза. Я знала, как бьется его сердце, как буйная фантазия не дает уснуть по ночам, как тяжело ему себя сдерживать. Мне стало неловко и я поспешила сесть рядом с мамой. Мы

выслушали речи всех учителей, директора. Самой трогательной речью была речь Елены Сергеевны. Она наговорила много теплых слов и пожеланий, а в конце прослезилась. Именно этого и ждали все родители. Они быстренько достали свои платочки и будто сговорившись, начали вытирать слезы, в том числе и моя мама. После минуты всей радостной печали, сказать речь пригласили Варвару. Она хорошо грамотно говорила, поэтому выступить ей не составляло труда. Когда поднялся Олег для произнесения своей речи, я серьезно стала бояться за его состояние. Он готов был провалиться под землю, только бы не смотреть на меня. Я все понимала и всю его речь прослушала с глазами в пол. После официальной части началась развлекательная часть. Все заметно повеселели. В помещении кухни родители и учителя накрыли красивый богатый стол. Я наверное была единственным человеком, у которого этот стол не вызывал такой буйной реакции и большого аппетита. Нас сразу пригласили на вальс. Я танцевала с мамой. Это было так ново и удивительно. Ощущать себя уже не частью этого единого организма, а жить отдельно от него. Строить свою жизнь самой, индивидуально. Около полуночи все родители разошлись по домам, впервые оставив своих чад веселиться до утра. Мы долго сидели, разговаривали. Около меня сидела

Алия. Даже тогда, она не изменила своему стилю. Платье хоть и было полуоткрытое, но в темно — синем цвете с черными узорами. Черные волосы были собраны на затылке в огромный пучок, а черные туфли, возвышались над землей, на сантиметров десять. Под утро все заметно устали. Из учителей осталась лишь директриса, которая сложив руки, в праздничном костюме, состоящим из черных брюк и такого же пиджака, дремала на стульчике. Из всех присутствующих самой живой была я. Когда пропели первые петухи, все вышли на улицу встречать рассвет. Любоваться первыми лучами новой жизни, было решено, на берегу Аянской бухты. Небо становилось светлее с каждой секундой. На горизонте, где холодная темная вода соединяется с небом, показывался огромный огненный шар. С каждой минутой он становился все больше, весомее. Каждое мгновение новые лучи этой чудотворной небесной силы, пронзали холодный колкий воздух своим светом и теплом. Пока лучи устремлялись вверх, пытаюсь разрезать утреннее северное небо, я стояла и смотрела на этот подарок природы, как замороженная. С левой стороны я почувствовала, что кто — то дергает меня за плечо.

— Ирма, я устала, пойдем домой — просящим голосом говорила Алия, — и чего ты стоишь? Разве ты уже не боишься солнца?

Я вострепенулась, взяла Алию под руку и мы пошли домой. Шли молча. Алия молчала от усталости, я была в задумчивости. Я довела ее до дома, мы попрощались и я пошла дальше. Я шла не домой. Мне хотелось в свое уединенное райское местечко. Я направилась в лес. В эту пору года и в это время суток, моя полянка была особенно прекрасно и неповторима. Пройдя мимо своего дома, как можно тише, чтобы не создавать шум, я вошла в полоску леса. Лес был сонным, спокойным. Сквозь тяжелую листву пробивались первые лучи солнца. Кроны высоких стволов, соединяли свои большие шапки, закрывая мерзлую дремлющую землю от солнца, от животворного тепла. Те лучи, которым удалось найти лазейки в море зелени, добираясь до земли, образовывали тоннели. В теплом блекло — желтом свете можно было увидеть мельчайшие частички пыли, плавно перемещающиеся в воздушном потоке. В теплых вибрациях воздуха не спеша летали насекомые разных размеров и форм. Все, что попадало в тепловую воздушную ванну, наслаждалось теплом и светом. Я глубоко вдохнула воздух, пропитанный сыростью, зеленью, холодом. Лес содрогался от пения птиц. Переливы лесных певцов слышались с разных сторон. Под ногами шуршали насекомые. Даже в такой ранний час, здесь кипела жизнь. Солнце поднималось все выше, охватывая все

больше территории своей живительной силой, но как не старалось небесное светило, лес прогреть оно не могло. Не боясь запачкать платье, я присела на один из больших камней. Все здесь утопало в зелени и местами в цветах. Растений с яркими бутонами и насыщенным ароматом было не так много, но они благоухали на всю поляну, поднимая настроение и принося гармонию душе. Я пыталась запомнить все: как пахнет воздух, как выглядит утренний лес, как трепещут тонкие стебли цветов в порыве ветра. В тот же день я улетала в город. Туда, где все мне было чуждо, ново. Возможно, там я буду жить, некоторое время, вряд ли смогу долго. Мама смеялась и говорила, что я боюсь, потому что не знаю там ничего. А когда узнаю, мне обязательно понравится, ведь я молодая и мне лучше в городе. Там я встречу молодого человека, влюблюсь, и мне самой не захочется уезжать. Мама, мама... если бы ты только знала, насколько я другая! Я не смогу там жить. А любовь... Я редко о ней задумывалась, потому что вряд ли смогу когда — ни будь стать обычным человеком, а значит, такие чувства испытать мне не под силу. Я сидела и рассуждала, пока не почувствовала на своей спине чей — то взгляд. Я повернулась и увидела блестящую пару глаз, выглядывающую из — за дерева. Через секунду взгляд исчез. Теперь он выглядывал с другой стороны. Глаза смотрели на

меня очень внимательно, изучали. Я повернулась и оскалилась. В такие моменты я не думала, что мне делать. Все происходило само собой. В неожиданных ситуациях мной управляли инстинкты. Я стояла на камне, скалилась и пыталась отогнать зверя. Животное вышло из тени и я увидела неожиданного гостя целиком. Я не могла поверить своим глазам. Это была большая черная волчица! Она была в два раза больше обычного волка, имела более вытянутую форму морды, большие черные глаза и очень короткую шерсть. Как, такое может быть? Это невозможно! Я слышала, как ее кровь движется от сердца к голове. Я чувствовала запах, но это был не запах страха или злости. Было что — то еще. Я насторожилась и стала принюхиваться. Пыталась руками удержать этот запах. Вдруг я поняла. Так пахнут люди! Да! Это запах человека! Как? Это невозможно! Может быть, она недавно съела человека? Нет. Я чувствую запах страха ее жертв. Олень, кролик, заяц. Нет! Все не то! Я была в полном замешательстве. Не отрываясь от нее взглядом, я стала ее подзывать. Она поняла, чего я хочу. Медленно ступая, своими большими тяжелыми лапами по хрупким цветам, она стала приближаться ко мне — большая, статная, с безупречной выправкой дикого хищника. Ее жесткая ровная шерсть переливалась глубоким черным цветом, очерченные сильные мышцы

приподнимали шерсть, рисуя безупречный рельеф опасного зверя. По мере того, насколько близко она подходила, я все отчетливей ощущала присутствие человека. Большая волчица чувствовала, что я ее не боюсь, а даже наоборот, имею некое превосходство. Подойдя ближе, она остановилась. Я спрыгнула с камня, сняла неудобные туфли и стала медленно ее обходить. Я была готова защищаться. Вдруг над головой я услышала небольшой смешок. Я посмотрела вверх. Сверху на меня смотрела девушка. Она сидела очень высоко на большой широкой ветке и, свесив ноги, болтала ими. Внезапно она перестала веселиться и слетела вниз. Я не могла поверить своим глазам! Она действительно летела, хотя крыльев у нее не было. Она, молча, смотрела на меня. Я чувствовала, что от нее исходит больше угрозы, чем от дикого зверя.

— Ты кто? — спросила я.

— Я — это ты — ответила девушка.

— Ну, да. Мы же сейчас играем в словесные загадки! Я тебя не понимаю! — раздраженно ответила я.

— Ого! Мне говорили, что ты дикая и бесстрашная, а я не верила. Кстати, классный костюмчик. Ну, ближе к теме. Ты знаешь, что ты такая же, как мы и ты не можешь уехать отсюда.

— Почему, не могу? Я сама буду решать, что мне нужно! — воскликнула я.

— Нет! Не будешь! — зло прошипела девушка. — Мы ждали, пока ты повзрослеешь, а теперь ты должна стать одной из нас.

— А вы кто? Вампиры или оборотни? — наивно спросила я.

— Нет! Нет, конечно! — незнакомку явно развеселил мой вопрос. — Мы — ведьмы и живем здесь уже сотни лет.

— Зачем вам я?

— А ты разве не видишь, что ты другая. Ты одна из нас. Ты такая же, как мы.

— А эта? — я показала на большую кошку, — она пахнет человеком.

— Да... — на секунду ведьма замялась, — она раньше и была человеком, но теперь... в общем, ты очень многого не знаешь. Будешь с нами и ты все узнаешь, начиная с тайны твоего рождения и заканчивая тем, кто ты на самом деле и кем должна быть.

— Но я не хочу превращаться не в ведьму, не в животное, не в кого бы то ни было еще. Я человек и хочу жить с людьми. Сегодня я уезжаю.

— Либо ты с нами, либо мы убьем тебя. Нам не нужны проблемы с людьми — сказала девушка.

— Но они обо мне ничего не узнают! Даже в нашем поселке обо мне никто не знает! — я стала оправдываться.

— Это ты так думаешь. Все всё знают. Просто

правды боятся и не хотят ее обсуждать, словно это уничтожит ее.

— Я не хочу быть с вами и не буду никогда! — воскликнула я.

— Это мы еще посмотрим — прошипела девушка и скрылась в кронах деревьев. Вслед за ней убежала волчица.

Это было так странно и необъяснимо, что я еще долго вспоминала каждое слово нашего с ней диалога. Перед глазами всплывал ее образ: стройной, изящной, с блеклой белой кожей, длинными прямыми черными волосами, потрясающими бирюзовыми глазами; в длинном платье изумрудного цвета, на бретелях и с вышивкой, в виде птиц. Всеми своими чувствами, мыслями, каждой молекулой своей крови я не хотела признавать и думать о том, что у меня может быть что-то общее с ней. Хоть что — то! Но она была так похожа на меня... нет! Нет! Это невозможно! Этого не может быть! Посидев еще немного, приведя свои мысли в порядок, я пошла домой.

Зашла в дом через окно, чтобы не разбудить маму. Было еще рано, будить ее не было причины. Проходя мимо большого зеркала, я невольно в него заглянула. Действительно, много схожего... и глаза, боже, они точно такие же! Нет! Я на нее не похожа! Внешнее сходство, конечно, есть... но, я же не

умею летать. Я же не ведьма. Эта странная встреча внесла тревогу и беспокойство в мое душевное равновесие. Тогда у меня внутри впервые зародились сомнения кто я и кем должна быть.

Вскоре в комнату постучалась мама. Она была в некотором легком возбуждении, потому что в тот день я улетаю сдавать вступительные экзамены. Дискуссий по поводу того, куда поступать, никогда не возникало. Сомнений ни у кого не было, конечно, в медицинский институт. Мама прямо меня никогда не спрашивала о моем выборе, но мы обе знали, почему я хочу стать врачом. День был суматошным. Я собирала чемодан, а мама туда — сюда ходила и иногда всхлипывала. Ей было грустно и страшно от того, что я впервые одна куда-то улетаю. Свои ощущения по данному поводу я не могу описать несколькими словами. Каких — либо мыслей о переезде на временное место жительства в другой город у меня не было вообще. Было лишь небольшое смятение по поводу недавней встречи с незнакомкой. Я знала, что еду в совершенно незнакомое место и вроде как то нужно думать об этом, но не получалось. Я думала об абсолютно других вещах. Складывая чемодан, делала все машинально, а в голове решала совсем другие задачи. Я думала о своей жизни, не связывая ее с переездом, словно это не так важно и не имеет никакого значения. Мама волновалась гораздо

сильнее меня. Странно... Город находился всего в двух часах полета, но была я там всего пару раз в жизни. Все мои одноклассники не могли дождаться, чтобы улететь отсюда и больше не возвращаться. Я хотела жить именно здесь. Уезжала я на время, получить образование и вернуться. Вещи были собраны. Мы зашли в кухню. В этот момент вбежала бабушка Вера. Она боялась меня не застать, поэтому бежала.

— Ну, все. Уезжаешь. Дай бог тебе поступить, хорошо учиться — переведа дыхание, сказала бабуля. — Другим человеком ты вернешься, с другой душой. Я буду волноваться за тебя.

— Ты, что! Бабушка Вера, не разводи сырость — воскликнула я, увидев ее слезы. — Я же уезжаю не навсегда. Я скоро вернусь, после экзаменов. По мере возможности и дальше буду регулярно прилетать.

Мы еще немного посидели и стали одеваться. Одевалась я всегда удобно и просто, мало обращая внимание на тенденции моды. Джинсы, кеды, футболка и кожаный жакет. Отношение к кожаным вещам у меня было особое. Носить кожаную вещь для меня означало не следовать моде или определенному стилю, просто для меня эта одежда имела более весомый смысл. Вдыхая аромат кожи, я чувствовала то, что чувствовало это животное перед смертью — страх, смятение, беспомощность.

Меня это пугало, но наличие у меня некоторых животных инстинктов я не могла не признавать. В данном случае запах беспомощности меня, в некотором смысле, возбуждал. Я чувствовала себя сильнее и увереннее. Собравшись, мы вышли из дома. Навстречу ко мне бежала Алия. Как всегда во всем черном. Черные джинсы, ботинки, темно — синяя майка, развивающиеся черные волосы, черные глаза и губы — все это было похоже на темное доброе облачко, плывущее мне на встречу.

— Чуть не успела! Ну, как ты, моя дорогая Ирма? Когда мы увидимся? Уже, наверное, не скоро. Я буду очень, очень скучать! — говорила Алия со слезами на глазах.

— Я тоже буду скучать, моя подружка! — воскликнула я, смахивая слезы.

Мы обнялись. Эти объятия были такими искренними, теплыми, сильными. Я помню их и сейчас. Родители отправили Алию учиться за границу. Мы расстались...

Часть 3. Моя первая попытка самостоятельной жизни

На аэродроме было скучно. Большая асфальтированная полоса, окруженная плотными рядами деревьев, а за ними возвышающиеся горы, покрытые густой растительностью. Понять, что

здесь точка отправления вертолетов можно было только по одиноко стоящему домику, больше похожему на деревянную избушку с табличкой над дверями «аэродром». Избушку со временем привели в более современный вид, немного облагородили. Теперь это был двухэтажный домик, первый этаж которого был синего цвета, а второй серо — белого. Желających улететь из этого благодатного места было немного, только несколько человек. Среди них было трое моих одноклассников — двое мальчиков и Варя. Они стояли по отдельным группкам со своими родителями и тихо о чем — то говорили. Недалеко стояли два автомобиля без водителей. Я первая услышала звук приближающегося самолета, когда его еще не было на горизонте. Через несколько минут из — за облаков вылетела стрекоза. Я так называла АН — 28, потому что он был маленьким и компактным. В небе он выглядел, как маленькое насекомое с двумя крылышками, расположенными в два ряда, с небольшими пропеллерами по центру и по бокам, на крыльях. Я села в самолет и помахала маме рукой. Варя села рядом со мной, хотя особого желания с ней разговаривать у меня не было. Никто не сомневался, что я поступлю. Мама это тоже знала, поэтому моего быстрого возвращения не ждала.

Время полета около двух часов, которые

прошли быстро. Все время мальчишки шутили, а Варя задорно хохотала. Несколько раз пытались и меня привлечь к своим разговорам, но я лишь снисходительно улыбалась и дальше продолжала смотреть в окошко иллюминатора.

По мере снижения самолета, блики большого города становились все четче, плотнее. Вот аэропорт — большой, светлый, шумный. С высоты полета он выглядит как большая геометрическая фигура в форме трапеции, по обе стороны от которой отходят небольшие прямые линии, одна из которых заканчивается высоким прямоугольным зданием. Лишь находясь в непосредственной близости от данного сооружения, понимаешь, что это действительно крупнейший аэропорт в Дальневосточном Федеральном округе. Войдя в зал прилета, я не растерялась. Несмотря на большое количество людей, снующих в разные стороны, мне не стало страшно или неловко. Забрала багаж с транспортирной ленты, обогнула одну из больших белых колонн, на которых, по — видимому, держится второй этаж зала ожидания и вышла из аэропорта. Я направилась на остановку общественного транспорта. Шла быстро с вдохновенным чувством перемен к новому, лучшему. Вдруг у меня закружилась голова, стало тяжело дышать. Я присела на скамейку. Запах, запах такой тяжелый, едкий. Слишком много

людей. Слишком много запахов чужой энергии. Я этого не ожидала. Я была чувствительна к любому запаху, но здесь его было слишком много. Чистого воздуха было мало. Каждая молекула была наполнена чьим — то ароматом. Мне пришлось привыкать дышать чужой энергией, практически не замечая ее. Вокруг был слышен вой сирен, рёв моторов и других непонятных звуков. Вдоль дорог, по тротуарам ходили люди. Какие же они все разные! Высокие, низкие, худые, толстые, грустные, веселые. Все пространство заполняли дома. Многоэтажные дома были высокими и не очень, яркими и блеклыми. Практически везде присутствовал серый цвет, чаще темно — серый. Я люблю серое осеннее небо, но все остальное зеленое, синее, желтое. Почему серый? Пока я размышляла, приехал автобус. Увидев количество пассажиров, я передумала. Для моего носа, на сегодня, было достаточно неожиданностей, поэтому я решила поймать такси. Общежитие медицинского университета выглядело на фоне других архитектурных сооружений, громоздко и величаво. Словно подчеркивая тот факт, что медицина одна из древнейших наук, как и само здание, напоминающее скорее объект средневековой культуры с большими колоннами, нежели современное здание. Когда мы подъехали к общежитию, начинались сумерки, а у меня

появлялась резь в глазах от большого количества светящихся неоновых вывесок. Я рассчиталась с таксистом, забрала чемодан и пошла в общежитие. У входа сидела женщина, лет пятидесяти. При виде меня она встрепенулась и сразу спросила, как меня зовут.

— Меня зовут Ирма Хант — ответила я.

Может быть, моя фамилия покажется странной. Так и есть. Мама всегда повторяла, что наша фамилия уникальна для России. И тут же добавляла, что люди с этой фамилией, имели большую царскую привилегию. У Иоанна Грозного хранился особый список ярких фамилий, которые давались приближенным в качестве награды. Поэтому, несомненно, я гордилась своей фамилией.

— Подожди минутку. Я принесу ключи от твоей комнаты — сказала женщина.

Она быстренько поднялась и ушла. Я стала осматривать помещение, где находилась. Оно было небольшим — слева от двери, возле стенки, стоял старенький диван темно — бордового цвета. По обеим сторонам от него находились такие же кресла. Возле дивана стоял старый, покрытый лаком, журнальный столик. На нем лежало большое количество потрепанных журналов и брошюр. Сверху над диваном, висело множество различных объявлений, плакатов самого разного содержания: у

кого — то пропал свитер, кто — то потерял проездной, кого — то поздравляли с днем рождения. С левой стороны от дивана была живая стена. На деревянной сетке росли и вились разнообразные растения, создавая незамысловатые узоры. Это было красиво и закрывало часть длинного коридора. Справа от входной двери располагалась дверь в помещение, куда вошла женщина. Там видимо находились важные для общежития вещи. После двери, находился пропускной пункт. Через который входили и выходили студенты, предъявляя свой пропуск. Из — за двери показалась женщина.

— Пойдем, комнату покажу — сказала она.

После этого развернулась и пошла вперед. Я посеменила за ней. Мы прошли через пропускной пункт и повернули направо. Пройдя немного по длинному коридору, свернули налево к лестнице. Поднялись на второй этаж и пошли в левую сторону. Мы шли по коридору, а по сторонам пробегало множество дверей, совершенно одинаковых. Не запутаться в них можно лишь увидев номер на двери. В конце коридора с двух сторон находились два больших окна. Вымыты они были до блеска. Я заметила лишь пару насекомых на стене. Занавесок на окнах не было. Мы подошли к комнате под номером тридцать четыре.

— Ну, вот. Здесь ты будешь жить, пока. Пока

не поступишь. А если не поступишь, не будешь — произнесла женщина.

«Логично» подумала я. Она открыла дверь. Мы вошли в маленький темный коридорчик. Она рукой нащупала выключатель и включила свет. Хотя мне можно было и не включать. Там было две двери. Одна напротив входной двери, другая с правой стороны. Саркастическая старушка подошла и открыла дверь, расположенную прямо. За ней оказалась достаточно просторная комната с большим окном немного правее центра. Справа возле двери стоял маленький холодильник белого цвета, сразу за ним небольшой столик с компактным умывальником. Над ним висел шкафчик. Вся мебель была светлая, цвета молочного дуба. За кухонным набором, возле стены, стояла кровать. За кроватью, перед окном небольшая тумбочка. С левой стороны были такие же кровать и тумбочка, только вместо мини кухни, стоял большой шкаф для одежды и окно располагалось чуть дальше. На окне висели жалюзи. Для меня это было особенно важно, так как они лучше всего защищали от солнечных лучей.

— Выбирай себе кровать, располагайся. Твоя соседка придет завтра. Кстати, меня зовут Наталья Ивановна. Понадобится что — ни будь, обращайся.

С этими словами она развернулась и ушла.

Впоследствии, Наталья Ивановна оказалась замечательным человеком. Я осмотрелась и присела на кровать с правой стороны. В этот момент не хотелось думать ни о чем. Мыслей не было вообще. Другой город, другая обстановка, другая жизнь. Тогда я думала, что смогу переписать свою жизнь. Смогу убежать от себя. Обмануть саму себя. Разложив свои вещи, я решила сходить в душ. За второй дверью была ванная комната. В принятии душа у меня не было никакой необходимости, но привычка еще долго не отпускала меня. Я стояла в душевой кабинке, смотрела на сверкающий белый цвет всего помещения и переливающийся свет от ярких лампочек на потолке. После душа мне захотелось спать. Я уснула. Спала я плохо. Мне приснился кошмар. Много крови, она везде, но мне хорошо. Мне хорошо в такой обстановке. Я сижу на полу, в луже крови. Мне очень хорошо, спокойно, нет чувства жажды. Я проснулась в холодном поту. Опять! Опять меня давит изнутри. Горло сжимается от жажды. Ощущение — будто тебя прижали к стене и хотят раздавить. Больно! Как больно! Внутри все сжимается, я не могу дышать. Вода! Мне нужна вода! Я поползла в душ. Включила воду. Вода, наверное ледяная, но мое тело не чувствует холодных капель воды. Они стекали по моему телу и казалось, что мне становится легче. Я вышла из душа совсем без сил. Упала на кровать и

лежала до рассвета.

Утром я сидела на кровати и читала экзаменационную литературу. Вокруг было совсем тихо. В общежитии, наверное, было совсем мало студентов. Чувство жажды постепенно проходило и тошнота тоже. Во время приступов и сразу после них появлялось чувство тошноты к любой пище и жидкости, даже к воде. Когда все прошло, я решила попить чаю и сделать бутерброд. Из бутерброда я съела только колбасу, остальное выбросила. Тошнота сегодня держалась особенно стойко. Посмотрела в окно и с радостью обнаружила, что сегодня пасмурное утро. Значит можно погулять по городу. Я надела синие джинсы, футболку цвета спелого лимона, синие сандалии, взяла черную текстильную сумочку с зонтиком и вышла. Достала маленькое зеркальце по дороге и проверила, все ли в порядке. Все было как всегда, за исключением глаз. Я посмотрела в них и ахнула. Они были практически прозрачными. Как это возможно? Мне нужно было обязательно купить цветные линзы и чем быстрее, тем лучше. Я вышла из общежития. Вокруг почти никого не было. «Странно» подумала я. Потом спохватилась и посмотрела на часы. Было семь часов утра — конечно, кто идет гулять в такую рань? Тем не менее, на автобусной остановке была толпа людей. Все спешили по своим делам. Я остановилась подальше. Не хотелось мне с утра

ощущать чьи — либо запахи. В автобусе я стала возле передней двери. Я и сама не знала, куда еду. Куда — ни будь, мне было все — равно. Потеряться я не боялась. У меня были прекрасная память и нюх. Я по запаху могла найти то место, куда мне было нужно. Автобус медленно двигался в плотном потоке машин. Я с интересом рассматривала Преображенский кафедральный собор, площадь Славы. Проехав еще немного, я вышла. Спустилась вниз по главной лестнице Хабаровска. Она была широкой, в несколько этапов. По сторонам которой, стояли фонари и красивые зеленые деревья. Набережная реки Амур была пустынной. Лишь несколько неспешно гуляющих прохожих вносили разнообразие в утренний пейзаж Хабаровска. Я присела на одну из скамеек, стоявших вдоль полосы огромной полноводной реки. За соседней скамеечкой сидел пожилой мужчина и читал утреннюю прессу. Мимо прогуливалась пожилая женщина с маленькой девочкой. Девочка все время что — то рассказывала, а женщина внимательно слушала и с удовольствием улыбалась. Я с наслаждением вдохнула знакомый теплый воздух, пахнувший водой, зеленью, свежестью. Вдруг с правой стороны я услышала голос:

— Милая, давай погадаю. Всю правду расскажу, ничего не утаю. А ты мне ручку позолотишь — говорила женщина.

Передо мной сидела женщина лет сорока, хотя душа ее была гораздо старше и темнее. Женщина имела цыганскую национальность и полностью ей соответствовала. Длинная юбка пестрела разнообразными цветами и узорами. Кофта в стиле балахон черного цвета и на голове черный платок. Кожа была смуглая, темная. Отсутствие макияжа и маникюра сполна компенсировали золотые украшения в ушах, на руках и шее.

Я повернулась к ней и встретилась с ней взглядом. На секунду она вздрогнула, улыбка исчезла с ее лица и чуть слышно она прошептала:

— Дай ручку... погадаю.

Я не испугалась, потому что сразу увидела ее сущность. Ей очень хотелось бежать, бежать отсюда не оглядываясь. Она меня боялась, но ожидание денег заставляло ее остаться. Я дала ей правую руку. Мне действительно стало интересно, что она может рассказать обо мне. Осторожно, почти не дотрагиваясь до моей руки, она стала всматриваться в мою ладонь. Через несколько секунд она подняла свои глаза и посмотрела на меня. Ее лицо побледнело, кровь медленнее текла по венам.

— У тебя нет линии жизни. Я думала, что вас не осталось. Этого не может быть! — тихим приглушенным голосом говорила она. — У тебя жизни нет, линии нет! Глаза... у тебя глаза дикой

кошки. Ты же бессмертная! — она говорила и смотрела куда — то сквозь меня.

— Что вы несете? Что за чушь? Это бред! — дрожащим голосом воскликнула я. — Вот, возьмите ваши деньги! — я стала судорожно копаться в сумочке.

Она ничего не ответила, замахала руками, встала и собиралась уйти.

— Скажите, что это неправда! — я ухватила ее за руку. Она быстро одернула свою руку и, глядя вниз, сказала: Она убьет тебя. Ей не нужны ходящие среди людей!

— Кто? Кто убьет? — спросила я.

— А ты не знаешь? Твоя прародительница Дафна. Вы бессмертные — все проклятые! — с этими словами она развернулась и очень быстро ушла.

Я сидела на скамейке в некотором оцепенении довольно долго. Мимо меня проходили люди. Разговаривали, смеялись, иногда косились на меня, но никому особенно не было интересно, почему я здесь сижу. В моей голове был полный хаос. Большой глупости я о себе еще не слышала. Тогда я ей не поверила. А зря... Может быть все сложилось бы по — другому, но я была совсем юной. Мне хотелось жить как все: спать целую ночь и не просыпаться, загорать на пляже, бояться сверхъестественных вещей, мечтать о первой

любви. Я не хотела признать то, что я совсем другая. Что я даже наполовину не могу быть самой обычной. Что это невозможно по определению! Мою задумчивость нарушил телефонный звонок. Звонила мама. Спрашивала, как у меня дела, как я чувствую себя в новой обстановке. Где я сейчас и что делаю.

— Да, вот с утра решила выйти погулять, осмотреться.

— Утром? Ирма, уже два часа дня! С тобой все в порядке? — встревожено спросила мама.

— Да. Да. Со мной все в порядке. Не волнуйся! — ответила я.

И правда, сколько времени я здесь просидела? Мне кажется, для меня уже тогда время текло несколько иначе. Еще в школе Алия не могла усидеть на месте и пятнадцати минут, чтобы что — ни будь не делать. Я же могла сидеть часами размышляя, рассуждая на свои, известные только мне, темы. Для меня это не было чем — то тягостным, долгим, а наоборот, я не замечала этого времени. Приехав в этот большой город, я удивилась еще больше. Люди так спешили жить, что не замечали самые главные простые вещи. А эти вещи, тем не менее, никуда не исчезали, просто ждали своего времени. Сколько раз мне приходилось читать в глазах печать одиночества. В погоне за комфортом, человек остается один либо

отталкивает любимых людей. А часы тикают и жизнь проходит. Родные люди дождутся, обязательно дождутся и простят. Только времени будет совсем мало.

Пейзаж за окном тоже останется неизменным: море, небо, осень. Вот только наслаждаться этим придется, чувствуя дыхание смерти за спиной. Не надо. Не надо так делать. Надо наслаждаться простыми вещами, пока возможно ярко, четко воспринимать картинку; остро, энергично реагировать на окружающий мир.

Я встала, немного огляделась и отправилась в общежитие. Решила идти пешком. Не хотелось сталкиваться с людьми и чувствовать их энергетику. До общежития было несколько километров, но меня это не пугало. Я с детства отличалась сильной физической выносливостью, что впрочем, для меня, было неудивительно. По дороге нашла магазинчик, где смогла купить то, что мне было нужно. К вечеру я дошла до общежития. Прогулка выдалась чудесной. Погода мне благоволила — солнца не было целый день. На первом этаже сидела Наталья Ивановна.

— Здравствуйте, Наталья Ивановна! — сказала я.

— Здравствуй, Ирма. Ходила гулять? Как тебе город? Понравился? — спросила она.

— Да, очень. Только люди куда — то все

время бегут.

Женщина улыбнулась и добавила:

— Город у нас очень красивый, большой. Ты выходи гулять по чаще. Жаль, солнышка сегодня совсем не было. Тебе оно нужно, а то бледная совсем. Даже не скажешь, что выросла рядом с такой великолепной природой — стала рассуждать Наталья Ивановна.

— Извините, я устала. Пойду к себе — прервала я ее размышления.

— Да, конечно иди — отвлеклась женщина.

Я поднялась к себе. За окном было уже темно. Я по —прежнему была одна. После принятия душа и ужина, я легла на кровать, готовиться к экзаменам. Далеко за полночь, я заснула. Теперь кошмары снились мне все чаще. Все насыщеннее ощущался странный привкус во рту. Привкус появлялся во время кошмара и исчезал через несколько минут после пробуждения. В эту ночь вкус чего — то знакомого, но чужого был особенно сильным. Я ощущала всеми рецепторами своего языка сладковато — горький вкус. Ощущение вкуса было насыщенным, полным и таким приятным. Я испытала наслаждение, неописуемое удовольствие от ощущения этого непонятного, невероятного вкуса. Проснулась в поту. Изнеможденная, пошла в душ. Чувство удовольствия еще присутствовало. Я стояла перед зеркалом и всматривалась в свое

измученное лицо. Что это за вкус? Почему сегодня он такой яркий? Я приоткрыла рот и увидела что — то красное. Что это? Это кровь. Нет! Этого не может быть! Да, это была кровь. Я прокусила язык в лихорадочном припадке во время кошмара. Рана стала затягиваться у меня на глазах. Меня охватила паника. Я стала биться о стену, тело трясло в судорожном припадке. Мне хотелось кричать. Я закрывала рукой рот, чтобы не произнести ни звука. Я не знала, что мне делать. Я была одна. Совсем одна...

Проснувшись я, лежа на полу в ванной. Что произошло ночью, я вспоминала смутно. Видимо, мой мозг решил оградить меня от этой информации, чтобы я не сошла с ума. Потом, конечно, я все вспомнила. Для меня это уже не было шоком, но тогда... Я ждала свою соседку по комнате, поэтому приняла душ, который накануне так и не смогла. На часах было девять утра. Ничего себе я спала! Ни разу в жизни я так долго не спала, разве что в детстве. Я сидела на кровати и размышляла о своем будущем. Даже после всех неожиданных событий и встреч, я все — равно толком не могла понять, кто я. Я отчаянно хотела быть человеком, но не представляла, как жить без своих особенностей. Я привыкла не чувствовать боли, не испытывать чувства страха, не беспокоиться, что замерзну, или наоборот, сварюсь

от жары. Мое зрение было идеальным и даже лучше. Я прекрасно видела в темноте и по запаху своего тела могла найти дорогу обратно. Все это не вписывалось в рамки обычного человеческого существования. А факт бессмертия... в тот момент это казалось полным бредом. Этого в принципе не могло быть. Все что имеет начало, имеет и конец. Это неизменное правило существования всего живого на земле. Это, нельзя опровергнуть каким — либо способом. Мы рождаемся, чтобы умирать. Это надо принять, как неизбежность. Научиться это понимать и принимать. Воспринимать это как догму, без которой невозможно родиться. Надеяться на бессмертие просто абсурдно.

Мои рассуждения прервал звук открывающейся двери. В коридорчике послышались шаги. Затем открылась дверь в комнату и вошла девушка. Тяжело дыша, поставила чемоданы на пол. Судя по количеству чемоданов, она решила домой больше не возвращаться. Никогда. Чемоданов было пять и у меня сразу возник вопрос: Как она их тащила? Но дальше моих мыслей этот вопрос не вышел. Поставив свои чемоданы, девушка посмотрела на меня.

— Привет. Меня зовут Диана. Будем знакомы — приятным голосом сказала девушка.

— Здравствуй. Я — Ирма — ответила я.

— О, какое редко имя. Будем соседками, если

поступим, конечно — с сожалением заметила новая соседка.

— Если будешь уверена в себе, то поступишь — заметила я.

— Да, конечно — ответила она и взгляделась в мое лицо. Через несколько секунд улыбнулась и сказала:

— Да ты фрик! Классные линзы. Они тебе идут.

Я опешила. Глаза! Черт! Я забыла про линзы!

— Да... они мне тоже нравятся — выдавила я из себя — пойду, сниму, без них удобнее.

Я побежала в ванную, вставлять линзы. Как хорошо, что я не забыла их купить. Теперь будет сложнее следить за собой. Про приступы по ночам, мне даже не хотелось думать. Выйдя из ванной комнаты, я застала свою соседку разбирающей вещи.

Моя новая знакомая была полной моей противоположностью. Чуть выше среднего роста, она явно любила солнце. Ее загорелая кожа отливала бронзовым загаром. Светлые волосы доходили до пояса и лежали ровно и красиво. Большие глаза голубого цвета дополняли длинные черные ресницы с пухлыми розовыми губами. Красная майка имела внушительное декольте, из которого выглядывала большая грудь. Коротенькая джинсовая юбка подчеркивала красоту стройных

изящных ног. На ногах, на удивление, были мокасины. Наверное, все же не очень удобно на каблуках тянуть пять чемоданов.

Завтра первый экзамен. Хотя я и была уверена в своих знаниях, но почитать что — ни будь, не помешало бы. Я села на кровать и открыла научную литературу. Моя соседка распаковывала чемоданы, все время что — то напевая. Краем глаза, из — за любопытства, я все же за ней подглядывала, что можно взять в таком количестве. В одном чемодане были брюки разных цветов и моделей, джинсы легкие и теплые, шорты, короткие и не очень юбки. Во втором всевозможные майки, футболки, джемпера, свитера, блузки. У меня стало рябить в глазах от такого многообразия цветов. В третьем чемодане находилась верхняя одежда. Среди курток, пуховиков и пуховых жилетов я заметила пару кожаных курток и невольно поморщилась. Я любила кожаную одежду, но чувствовала, что еще не готова ее вот так просто носить. Она вызывала у меня кучу эмоций. Простым людям этого не понять. Они только болеют от нее, сами не зная почему. Диана не чувствовала себя плохо при носке такой «тяжелой одежды», но она явно вызывала нестабильный психический настрой. Четвертый чемодан был забит обувью, а пятый всякой хозяйственной утварью. Я даже была удивлена, увидев в чемодане половник, кастрюльки и терку.

Мне казалось, такие, как она, вообще не едят ничего, кроме йогуртов и яблок. Меня так и подмывало спросить: Зачем столько вещей? Неужели они все нужны? Но это было бы очень некорректно с моей стороны, поэтому я, молча, наблюдала за этим действием.

Я никак не могла сосредоточиться на читаемой литературе. Все события последних дней упорно возвращали меня к мыслям о самой себе и своей жизни. Что я знала точно, так это то, что я хочу поступить и учиться, как все и жить, как все. Тогда я была еще наивной...

Остаток дня прошел в тишине. Мы усиленно готовились к экзамену. На мое удивление, Диана оказалась серьезным и усердным человеком. Она была приятна мне с первых секунд знакомства. Я сразу уловила ее запах. Она пахла добром, чистотой своих намерений. Душа у нее была светлая, легкая, без зависти, без зла. Противоположный пол она любила и пользовалась повышенным вниманием. Причем обвинить ее в легком поведении я не могла. Каждого нового ухажера она действительно любила, доверяла ему и думала, что это тот единственный. Правда, противоположный пол был немного другого мнения, поэтому ее часто обижали. Каждый разрыв она переживала очень сильно и отчаивалась, но всегда находился тот, кто готов был утешить и боль разлуки сразу исчезала.

Вот такой была моя соседка. В твоём окружении наверняка найдется такая знакомая, а может быть и не одна.

Вечером, из — за облаков, показалось солнце и моя прогулка по городу сорвалась. Диана все время что — то ела и громко разговаривала по мобильному телефону. Надо признать — меня это немного раздражало. Помощь пришла в виде плеера и наушников. Я не просто любила музыку. Музыка была важной неотъемлемой частью моей жизни. Слушая музыку, я рассуждала, обсуждала, испытывала чувство радости, справлялась с тоской, уходила в себя, в свой внутренний мир и нигде мне не было так хорошо, как внутри себя. Нужно добавить, что и музыку я слушала непростую, неформатную. Она наиболее полно соответствовала моему внутреннему ощущению. Ты вспомнишь Алию и скажешь, что без нее я бы не узнала об этой музыке. Да, наверное, так оно и есть. Каждый человек, встретившийся на моем жизненном человеческом пути, оставлял в моей жизни свои следы. Эти следы были самыми разными: большими и маленькими, веселыми и грустными, страшными и приятными. Бывает, что след одного человека оставляет боль, терзания, вопросы. Спустя много лет я вспоминаю этот след и с удивлением обнаруживаю, что без этого следа не было бы дальнейших моих шагов. А теперь я вот на этой

ступеньке пирамиды, но вспоминать и благодарить этого человека уже поздно. Он умер. Для меня он умер, оставив только свой след. Каждый человек каждый день для кого — то умирает, оставляя свои следы, и я не исключение.

Поздно вечером Диана предложила устроить чаепитие в честь знакомства. Я бы рада была продолжить нашу с мамой традицию вечерних посиделок, но с тех пор кое — что изменилось. Я с каждым днем все меньше и меньше ела. Тогда я связывала это с предстоящими экзаменами, сменой обстановки или еще чем — ни будь. На самом деле причина была абсолютно другая. Что бы это понять, мне понадобился не один месяц. Все же я согласилась устроить посиделки. В то время, как Диана лопала пирожные один за другим, купленные ею в честь приезда, я с трудом вливая в себя чай. Осилив, наконец, кружку чая, я почувствовала легкий приступ тошноты. К моему счастью, он быстро прошел. Мы разговаривали о предстоящих экзаменах, смеялись, шутили. Вопросы об ее семье я не задавала, потому что чувствовала, что это тема для нее очень неприятна. Когда захочет, расскажет сама. Ночью я поспала, немного, без неожиданностей и это было хорошо. В остальное время читала книгу. За свою жизнь я перечитала кучу всякой литературы от детективов до сумасшедшей фантастики. Если произведение мне

нравилось, я перечитывала его много раз. В темноте читать мне было весьма комфортно. Я все чаще замечала, что времяпрепровождения в темное время суток, мне нравилось гораздо больше. Все отчетливее стало приходить ощущение, что днем мне не комфортно. Утром я откинулась на кровати и закрыла глаза. Вдруг почувствовала, что кто — то меня дергает за плечо.

— Вставай, соня, а то проспийшь экзамены — веселым голосом сказала Диана.

Я встрепенулась и посмотрела на часы. У меня было полчаса. Все что мне нужно было сделать, так это принять душ. Косметикой я никогда не пользовалась, а одеваться долго не любила. Сегодня Диана выглядела несколько иначе, чем вчера. Строгий черный деловой костюм, состоящий из жакета и юбки средней длины. Под жакетом белая блузка классического кроя и скромные туфли лодочки. Завершали образ прическа «конский хвост» и незаметный макияж.

— Садись, позавтракаем — предложила Диана.

— Спасибо, но нет аппетита — ответила я.

— А... волнуешься — протянула она, — ничего. Это нормально.

На самом деле я волновалась, но вовсе не из — за экзамена. Мое волнение было связано с необходимостью быть с большим количеством

людей. Они наверняка будут меня рассматривать. Мне бы этого не хотелось.

С небольшим желанием я влезла в черные классические брюки, белую блузку и черные туфли на каблуке. Хорошо, что в комнате не было большого зеркала. Еще один шок мне был не нужен. Обязательно взять кардиган. Он поможет спрятаться от солнца. Я схватила первый, который мне попался. Это был удлиненный кардиган синего цвета в мелкий белый горошек. Подойдет. Мы, молча, собрали документы и книги, и вышли из комнаты. На первом этаже Наталья Ивановна пожелала нам удачи. Университет располагался практически рядом с общежитием. Нужно было пройти до остановки, перейти дорогу и идти вглубь, мимо различных зданий разных конфигураций и цветов. Во всех бетонных сооружениях было заметное интенсивное движение. Люди работали, расслаблялись, жили. На первом этаже одного из зданий находилось кафе. Благодаря большому, во всю стену окнам, можно было видеть, как люди не спеша пьют утренний кофе, общаются между собой, читают свежие газеты. Проходя быстрым шагом, я могла прочитать, что написано на обратной стороне их печатного издания. Это было интересно. Благодаря близко стоящим зданиям, проходя под их навесами, я могла не слишком беспокоиться об солнечных лучах. Это было,

несомненно, удобно. Весь путь мы шли молча. У каждой из нас была своя причина молчать. Диана волновалась, а я рассматривала окружающую обстановку и людей. Мы зашли в университет и поднялись на второй этаж. Я все время оглядывалась по сторонам. Более большого, светлого, просторного здания мне еще видеть не приходилось. Белый цвет, лепнина, строгость в интерьере — все это выдавало величественность, масштабность и серьезность данного заведения. Несколько минут потратили на предъявление необходимых документов и вот оказались возле нужной аудитории. Возле белых дверей толпились молодые люди. Публика была самой разной. От парня с ирокезом до девушек с пирсингом во всех доступных местах. На их фоне я выглядела даже совсем обычной девушкой. Меня это успокоило и даже немного развеселило.

Через несколько минут из аудитории, возле которой стояла толпа и я, вышел мужчина. Ему было около пятидесяти лет. Худощавого телосложения, с гладко выбритым лицом, в темном строгом деловом костюме. Повелительным жестом пригласил всех зайти в аудиторию. Толпа сразу смолкла и в тишине проследовала по назначению. Мы с Дианой зашли в числе последних. Все зашедшие впереди заняли последние места. Страх и волнение пульсировали в их висках. Мы сели

поближе к преподавателю. Место расположения никак не влияло на наличие знаний в голове, но кажущееся увеличение расстояния между экзаменатором и испытуемым, внушало последним ложное чувство спокойствия. Аудитория была большая, светлая за счет больших окон на пол стены. Все пространство занимали парты со стульями, возле входной двери, на стене, висела большая доска, рядом с которой стоял стол преподавателя. Больше собственно и ничего и не было. Помещение было оформлено в коричневом цвете всех оттенков. От такой картины на меня навалилось уныние. Диана села рядом со мной. Ее так трясло, что это заглушало все мои мысли. Я не знала, сколько времени отводилось на тест, но через полчаса я сидела и смотрела в пол, дабы создать видимость вдумчивости и размышлений над вопросами. Подождав еще несколько минут, я встала, положила на стол задания и вышла из аудитории. Особого внимания мне никто не уделил.

Погода была пасмурной. Отличный повод, что бы прогуляться. Я не спеша вышла из здания и пошла вдоль по улице. Мне было интересно посмотреть на людей. Рассматривая их лица, мимику, выражение глаз — я рассматривала их жизнь. По мере углубления в чужие души, все больше не понимала цельность человеческого существования. Все мысли и стремления людей были связаны

только с материальным благополучием. Деньги. Деньги. Деньги. Возможно, мне пока не приходилось сталкиваться с серьезными материальными проблемами, потому что я находилась на обеспечении своей матери, но в то же время мои мечты никогда не были связаны с деньгами. Я хотела быть счастливой именно в своем понимании значения этого слова. Испытать самое совершенное чувство — чувство любви. Жить только на лоне природы, чувствовать ее. Оставить этому миру частичку себя, продолжая себя и выполняя самую главную роль — жены и матери. Странная вещь... Когда я наблюдала за людьми, я не относилась к ним. Я была так, чем — то неопределенным, промежуточным. В то же время мои мечты и желания были очень даже человеческими. Погуляв немного в окрестностях университета, я вернулась в общежитие. Диана уже была там. Она очень торопилась, поэтому поговорить о своих впечатлениях по поводу экзамена нам не удалось. Надев маленькое черное платье и туфли на высоких каблуках, она убежала на очередное свидание. Оставшись одна, я почувствовала голод. Нужно было что — то приготовить. Готовить я любила. Взяв охлажденную курицу, намазав специями, я отнесла ее в духовку. Кухня была одна на весь коридор и находилась прямо напротив лестничной клетки.